

СЕМЬЯ НАПРОКАТ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Семья напрокат

<https://litres.ru/74679528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина Миронова привыкла играть чужие жизни. Но однажды ей предлагают самую необычную роль в карьере: за 850 тысяч рублей провести две недели в загородном доме, изображая жену состоятельного мужчины и мать его пятилетней дочери.

Всего четырнадцать дней. Никаких обязательств. Просто работа.

Однако очень скоро Марина понимает, что этот спектакль устроен совсем не так, как она ожидала. Слишком много странных совпадений, недосказанностей и вопросов, на которые никто не хочет отвечать прямо.

Пытаясь разобраться в происходящем, она постепенно перестаёт понимать, кому можно доверять. И почему люди, утверждающие, что желают ей счастья, так настойчиво пытаются решать всё за неё.

Но самое сложное испытание ждёт Марину впереди: иногда узнать правду гораздо проще, чем решить, что делать с ней дальше.

Содержание

Глава 1. Чужая жена	4
Глава 2. Мама приехала	22
Глава 3. Другая версия	49
Глава 4. Комната без окон	68
Глава 5. Дверь открывается внутрь	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Марк Вельский

Семья напрокат

Глава 1. Чужая жена

В тот вечер Марине Мироновой впервые предложили деньги за то, чтобы она ничего не изображала.

— Просто будьте собой, — сказала женщина на другом конце провода.

— Тогда это не актёрская работа.

— В некотором смысле как раз актёрская. Вы будете собой, но в чужой биографии.

Марина поставила на подоконник чашку с остывшим чаем. За окном медленно ползли машины. Конец октября выдался тёплым, и люди никак не могли привыкнуть, что уже темнеет в половине шестого. Над соседним домом светилась вывеска аптеки: зелёный крест возникал из темноты и гас каждые три секунды.

— Простите, кто дал вам мой номер?

— Ваше агентство. Мне сказали, что вы свободны со следующего понедельника.

— Агентство знает о проекте?

— Разумеется. Но детали заказчик предпочёл обсудить лично. Гонорар — восемьсот пятьдесят тысяч рублей за че-

тырнадцать дней. Проживание и питание включены.

Марина убрала чашку с подоконника. Под ней остался влажный круг.

— Повторите сумму.

Женщина повторила без малейшего удовольствия, словно называла номер квартиры.

За последние три года Марина сыграла женщину, которая умирает от ревности, женщину, которая надеется разбогатеть, и женщину, которая узнаёт об измене мужа. Кроме того, она дважды была официанткой в сериале, один раз — прохожей, подающей потерянную перчатку, и целый сезон — ёлкой в детской новогодней постановке. Ёлка, разумеется, слов не имела. За эту работу платили лучше, чем за Чехова.

В театре говорили, что всё ещё впереди. Владелец съёмной квартиры говорил, что впереди только повышение платы. У обоих были аргументы.

— Меня хотят снять в рекламе? — спросила Марина.

— Нет.

— В реалити-шоу?

— Нет.

— Это что-нибудь унижительное?

— Не думаю. Заказчик ищет женщину для семейного мероприятия. Требуется сыграть его супругу.

Марина посмотрела на своё отражение в чёрном оконном стекле. Тёмные волосы были стянуты резинкой, лицо после репетиции казалось усталым. Тридцать четыре года. Для од-

них ролей уже поздно, для других всё ещё недостаточно убедительная биография.

— Жена на две недели? — переспросила она.

— Именно.

— У вашего заказчика проблемы с родственниками или с законом?

На другом конце линии послышался короткий смешок.

— Юмор вам пригодится. Если согласны приехать на встречу, я вышлю адрес.

— Кто заказчик?

— Роман.

— У Романа есть фамилия?

— На встрече вы познакомитесь. До подписания договора вы ничем не обязаны.

После разговора пришло письмо на бланке юридической фирмы. В нём были указаны время, адрес офиса и условия конфиденциальности. Слово «семья» встречалось четырежды. Слово «жена» — один раз, в кавычках.

Марина переслала письмо агенту, с которым работала последние полтора года. Ответ пришёл почти сразу.

«Заказ проверяли. Деньги реальные. Послушай, что предложат. Только не соглашайся на месте».

Её агент Полина обычно отвечала спустя сутки и обязательно спрашивала, не может ли Марина обойтись без лишних вопросов. Такая оперативность насторожила сильнее, чем размер гонорара.

Марина набрала Полину.

— Ты знаешь этих людей?

— Не лично.

— Почему тогда уверена, что всё в порядке?

— Юристы прислали документы. Заказчик публичный, деньги белые. В договоре можно будет прописать любые гра-
ницы.

— Почему они выбрали меня?

Полина помолчала.

— Ты подходишь по возрасту и типу. И ещё... у тебя
лицо, которому верят.

— Это какая-то новая актёрская категория?

— На кастингах ты нравишься людям, Марин. Не изобра-
жай, что не понимаешь.

— А ты откуда знаешь, что они видели мои кастинги?

На этот раз пауза оказалась длиннее.

— Потому что я им отправляла видеовизитку, — сказала
Полина. — Перестань искать подвох там, где тебе предлага-
ют хорошие деньги.

Марина закончила разговор, но письмо не закрыла. От-
крыв вложенный договор, она первым делом нашла пункт о
праве отказаться. Он был. С компенсацией подтверждённых
расходов, без штрафа за личное решение прекратить уча-
стие. Условия приличные, даже подозрительно приличные.

Она перечитала сумму и подумала о зиме. О двух меся-
цах, когда у театра не было спектаклей и никто не платил

зарплату вовремя. О протекающем смесителе, который она откладывала починить. О том, что совсем недавно впервые за пять лет купила пальто не на распродаже и потом три дня сожалела.

Пять лет.

После аварии она почему-то стала измерять жизнь такими отрезками: до и после. Школу и первые институтские годы помнила хорошо. Последние несколько лет перед травмой почти исчезли: отдельные лица и места возникали без времени и без объяснения. Иногда всплывали солнечная полоса на полу, чья-то рука с часами, запах мокрой шерсти. Поймать продолжение не удавалось. Марина постепенно привыкла не возвращаться туда, где каждый вопрос заканчивался чужим рассказом.

Она помнила Москву, институтские коридоры и школьных подруг. А вот взрослая жизнь после выпуска существовала для неё главным образом в справках, фотографиях и чужих рассказах. Новые события после восстановления заминались обычно: годами она работала, читала, учила роли и не путала людей, встреченных вчера.

В коридоре загудел телефон. На экране высветилось «Мама».

— Ты поела? — спросила Елена Викторовна вместо приветствия.

— Сначала здороваются.

— Значит, не поела.

— Ела. Мне сегодня странную работу предложили.

— Какую?

— Временно выйти замуж за богатого человека.

— Марина.

— Мам, это шутка. Почти. Две недели изображать жену.

За очень хорошие деньги.

— Откажись.

Марина усмехнулась.

— Даже не спросишь, сколько?

— Не надо ехать жить к незнакомому мужчине.

— У него семья. Там будут родственники.

— Тем более.

— Ты прекрасно умеешь поддержать дочь.

— Я поддерживаю. Ты много работала. Сейчас начнутся спектакли, всё наладится.

Эти слова мать произносила одинаковым голосом независимо от сезона и положения дел в театре. Марина порой подозревала, что Елена Викторовна способна говорить «всё наладится» даже человеку, который уже выиграл в лотерею.

— Я пока только еду на встречу, — сказала она. — Ничего не подписываю.

— Адрес пришли мне.

— Пришлю.

— И фамилию заказчика.

— Как узнаю.

Мать не стала спорить. Странно: обычно именно на этом

месте она начинала длинное объяснение, почему в тридцать четыре года Марина недостаточно осторожна.

— У тебя всё хорошо? — спросила Марина.

— Конечно.

— Голос странный.

— Устала. Позвони после встречи.

Они попрощались.

Марина ещё немного смотрела на погасший экран. С тех пор как она вышла из больницы, мать оставалась самым надёжным человеком в её жизни. Именно Елена Викторовна помогала снова привыкать к Москве, отличать знакомые улицы от тех, которые лишь казались знакомыми, не бояться пустот в памяти. Она знала, какие слова приводят Марину в себя, когда тревога становилась слишком сильной.

Бывало, мать говорила, что счастье — это не знать всего о прошлом.

Марина считала эту мысль немного печальной, но разумной.

На следующий день она приехала на встречу на двадцать минут раньше.

Офис занимал верхний этаж старого дома недалеко от Садового кольца. В приёмной пахло свежим кофе, стены украшали чёрно-белые фотографии Москвы, а секретарь безошибочно назвала её по имени, ещё прежде чем Марина представилась.

— Вас уже ждут, Марина Андреевна.

— Я рано.

— Ничего страшного. Роман Сергеевич просил проводить вас сразу.

Марина поправила ремень сумки.

Она не любила, когда люди, которых видит впервые, знают о ней больше, чем она о них.

На другом конце коридора открылась дверь. Вышел мужчина лет сорока с небольшим. Высокий, в тёмно-синем свитере вместо делового костюма. Его лицо не показалось Марине знакомым. Но на секунду она почувствовала то неприятное замешательство, которое бывает, когда кто-то окликает тебя по имени в толпе, а ты никак не можешь понять кто.

Мужчина остановился.

— Марина, — сказал он.

Не «здравствуйте». Не «рад знакомству».

Просто её имя.

И произнёс он его так, как произносят после долгого отсутствия человека, которого очень ждали.

* * *

Мужчина не протянул руки, пока Марина сама не сделала шаг навстречу.

— Роман Белов, — представился он. — Спасибо, что приехали.

Его ладонь оказалась тёплой. Марина отметила ухоженные ногти, маленькую царапину у большого пальца и то, как быстро он отпустил её руку. Он смотрел внимательно, но без

той оценивающей наглости, которую она привыкла встречать на кастингах.

— Вы говорили с кем-то обо мне? — спросила Марина, когда они вошли в кабинет.

Роман показал на кресло.

— С вашим агентом. Немного с юристом.

— А до этого?

— Видел ваши работы.

— Вы счастливчик. Их почти никто не видел.

Он улыбнулся, хотя шутка была посредственная.

— Я был на спектакле «Чужие окна».

Марина выпрямилась. Пьесу играли в подвальном зале на сорок мест. Последний показ отменили из-за поломки отопления; до того спектакль собрал шестьдесят с небольшим зрителей за три вечера.

— Когда?

— В феврале.

— Что вам понравилось?

Роман не ответил сразу.

— Сцена, в которой ваша героиня ищет ключи, хотя знает, что дверь открыта.

— Это не главная сцена.

— Я и не сказал, что главная.

Марина неожиданно рассмеялась. Именно ту сцену она придумала сама, поссорившись с режиссёром. До премьеры он требовал её убрать, а потом на всякий случай всем рас-

сказывал, что идея принадлежала ему.

— Ладно. Один бал вам, — сказала она. — Теперь объясните, что за работа.

Кабинет был просторным, но без показной роскоши. На столе лежали только блокнот и телефон. Кресло напротив окна выглядело таким удобным, что Марина сразу решила ему не доверять. Здесь всё будто предлагало расслабиться раньше, чем человек успевал понять зачем.

Роман сел не за стол, а в соседнее кресло. На секунду он казался человеком, ожидавшим совсем другого разговора. Марина заметила это, но решила, что так ведут себя заказчики, когда опасаются торга.

Роман спросил, нужен ли ей чай. Марина отказалась и снова посмотрела на дверь. В офисе было слишком тихо, чтобы здесь мог прозвучать ответ, которого никто не предусмотрел.

— Прежде чем начнём, — произнёс он, — мне кажется важным сказать: я не прошу вас стать для Алисы другим человеком. Возможно, само это предложение окажется для вас способом приблизиться к ней, ничего не обещая. Я рассчитывал, что вы поймёте, почему выбрал именно вас.

— Я не понимаю, — ответила Марина. — Вы меня с кем-то путаете?

Роман вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Марине показалось, что её обычный вопрос его испугал. Он даже открыл рот, словно хотел возразить, но вместо этого вернулся

к заученной деловой интонации. Тогда она не придала этому значения.

— У меня пятилетняя дочь, — начал он. — Алиса. Её мать давно не живёт с нами. Девочка очень к ней привязана. Вернее, к представлению о ней. Мы много рассказывали, показывали фотографии. Она уверена, что однажды мама вернётся.

— А мама?

— Не вернулась.

Он произнёс это спокойно. Марина вдруг подумала, что некоторые люди приобретают такую манеру разговора не от уверенности, а от многолетней привычки не выдавать эмоций.

— Почему вы не расскажете дочери правду?

— Какую?

— Что мать не собирается возвращаться.

Роман посмотрел на окно.

— Потому что я не знаю, правда ли это.

— Но зачем тогда устраивать спектакль? Через две недели она снова останется одна.

— Я надеюсь, что эти две недели помогут нам с ней понять кое-что важное.

— Нам — это вам и дочери?

— Всем участникам.

Марина прищурилась.

— Вы говорите, как человек, который уже знает финал.

— Поверьте, ничего подобного.

Она решила сменить угол.

— Почему именно я?

— Вы хорошая актриса. Вы не стремитесь понравиться каждой репликой. И вы... подходите.

— По росту?

— По характеру, насколько я могу судить.

— По роли матери, о которой я ничего не знаю?

Роман чуть подался вперёд.

— Я расскажу всё необходимое. Но мне бы хотелось, чтобы вы не играли идеальную жену. Не старались соответствовать картинке. Просто жили в доме, общались с нами. Дочери нужна не безупречная героиня, а человек.

— Тогда вы нанимаете не актрису, а психолога.

— Психолог нам тоже помогает.

Это прозвучало так буднично, что Марина не сразу уловила неприятный оттенок.

— Помогает кому?

— Алисе.

— Она знает, что я не её мать?

Он сжал пальцы, разжал.

— Нет.

— Значит, мы обманываем пятилетнего ребёнка.

— Да.

Ответ оказался неожиданно прямым.

— И вас это устраивает?

— Нет. Поэтому я не прошу вас принять решение прямо сейчас.

Мужчина говорил вещи, которые Марина не одобряла, но не пытался их приукрашивать. В этом было что-то обезоруживающее и одновременно неприятное. Она встречала людей, которые легко объясняли любой поступок любовью. Роман пока ничего не объяснял.

— А остальные родственники?

— Моя мать. Моя сестра иногда приезжает. Помощница по дому. Они знают, что вам предложили роль.

— А ваши соседи?

— Вряд ли нам придётся с ними общаться.

— Мне нужно притворяться, что мы давно женаты?

— Только в присутствии Алисы. В остальном можете говорить то, что считаете нужным.

— По отдельным комнатам?

— Разумеется.

— Никаких поцелуев по сценарию, объятий по команде, совместных ночей?

— Никаких.

Марина снова посмотрела на него. За всю встречу Роман не позволил себе даже бегло оценить её фигуру. Это говорило в его пользу, хотя платить восемьсот пятьдесят тысяч за отсутствие объятий было по меньшей мере необычно.

— Я могу в любой момент уехать?

— Да.

— С собственным телефоном, без запрета общаться с друзьями и родственниками?

— Конечно.

— Не сердитесь на вопросы?

— Я бы насторожился, если бы вы их не задали.

Он достал тонкую папку. Документ состоял из двенадцати страниц. Юрист, вошедшая по его просьбе, объяснила, что договор регулирует лишь участие в частном семейном мероприятии, оплату проживания и конфиденциальность сведений о ребёнке. Никаких обязанностей изображать близость, никаких штрафов за отказ и никакого ограничения передвижения.

— Что вы сделаете, если ваша дочь спросит, почему я не помню её? — поинтересовалась Марина.

Роман посмотрел ей прямо в глаза.

— Я скажу, что вы долго болели.

— Она в это поверит?

— Она уже верит.

Марина опустила взгляд на бумаги.

— Значит, вы готовили её заранее.

— Я готовил её к возможности встречи.

— Это разные вещи.

— Знаю.

Он не стал спорить, и именно это раздражало. В споре можно было найти трещину. Спокойный человек словно не давал за что зацепиться.

После встречи Марина пошла пешком до метро. Ей хотелось шумной улицы и случайных лиц. На перекрёстке молодая мать прикрикнула на мальчика, который отказался надевать шапку. Мужчина с курьерской сумкой едва не столкнулся с велосипедистом. Подземный переход пах дешёвыми духами и выпечкой. Настоящая жизнь не позволяла никому подготовить себе реплики заранее.

Она отправила Полине голосовое сообщение с подробным пересказом разговора. Потом позвонила матери.

— Ну? — сразу спросила та.

— Очень странный человек. Но договор нормальный.

— Как его зовут?

— Роман Белов.

Где-то рядом с матерью звякнуло стекло.

— Мам?

— Я слушаю.

— Ты разбила что-то?

— Чашку задела. Марина, пожалуйста, не соглашайся.

— Ты даже не знаешь, чем он занимается.

— Я знаю достаточно.

Марина остановилась возле витрины книжного магазина.

— Откуда?

— Потому что нормальные люди не покупают себе семью на две недели.

Слова были справедливы, но прозвучали слишком быстро. Как ответ, подготовленный прежде, чем задан вопрос.

— Ты слышала о нём раньше?

— Нет.

— Уверена?

— Марина, у тебя после аварии иногда бывают периоды повышенной тревоги. Я боюсь, что эта история тебе не подойдёт.

— Это ты сейчас говоришь как мама или как врач?

— Как человек, который тебя любит.

Они поспорили ещё несколько минут и расстались недовольными друг другом.

У метро Марина купила кофе, хотя обычно не пила его после обеда. Она достала телефон, открыла поисковик и ввела: «Роман Белов предприниматель».

Результатов оказалось слишком много: строительные компании, спортивные клубы, благотворительные фонды. На первых страницах мелькали разные лица. Одна фотография показалась похожей, но была слишком старой и низкого качества. Марина закрыла браузер с досадой на собственную подозрительность.

Дома она снова прочитала договор. Отметила пункт, позволяющий беспрепятственно покинуть территорию, и отправила юристу просьбу добавить условие о запрете использования любых записей с её участием без отдельного согласия.

Через сорок минут пришла исправленная версия.

Без возражений. Без торга.

Марина лежала на диване, когда позвонила Полина.

— Ну что решила?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что ты все деньги уже мысленно потратила и теперь ищешь причину отказаться.

— Возможно. Скажи мне одну вещь. Кто именно предложил мою кандидатуру? Ты или он?

Полина задержалась с ответом.

— Он запросил подборку актрис. Я включила тебя.

— И всё?

— И всё.

— Ты точно уверена?

— Марин, ты меня пугаешь. Это работа. Не брак по-настоящему.

На следующий день Марина подписала договор.

А в пятницу получила на телефон фотографию маленькой девочки в жёлтом дождевике. Девочка стояла посреди опавших листьев и держала за уши плюшевого зайца.

Под фотографией Роман написал: «Это Алиса. С её разрешения».

Марина долго разглядывала серьёзное лицо ребёнка. Было что-то несправедливое в том, что взрослые затеяли игру, а девочка даже не могла решать, участвовать ли ей.

Она уже собиралась убрать телефон, когда заметила у Алисы крошечную ямочку на подбородке.

У Марины была такая же.

Она непроизвольно коснулась своего лица и рассмеялась.

Если долго смотреть на чужого ребёнка и искать сходство, рано или поздно обязательно что-нибудь найдёшь.

Но тем же вечером ей приснился сон: деревянная лестница, красная нитка на перилах и детский плач, который доносится как будто из воды.

Утром Марина почти ничего не могла вспомнить. Только звук — тонкий и отчаянный.

В понедельник в девять двадцать у её дома остановилась чёрная машина.

Водитель вышел, открыл багажник и произнёс:

— Доброе утро, Марина Андреевна. Давайте сумку.

В зеркале заднего вида Марина увидела его глаза.

Он смотрел на неё так, будто узнал.

— Мы встречались? — спросила она.

Водитель на мгновение замер.

— Не думаю, — сказал он.

И почему-то добавил:

— Очень рад, что вы согласились приехать.

Глава 2. Мама приехала

Дом стоял не за высоким каменным забором, как представляла себе Марина, а за старой липовой аллеей. От дороги его отделяли несколько десятков деревьев и низкая кованая ограда. Вокруг не было ни охранной будки, ни видеокамер на столбах. По крайней мере тех, которые бросались бы в глаза.

Машина свернула на дорожку, усыпанную жёлтыми листьями. За окнами проплыли пруд, беседка с заколоченными на зиму окнами и деревянные качели. На одном сиденье лежала забытая детская варежка. Марина подумала, что во всех богатых домах, которые ей доводилось изображать в кино, жизнь была слишком аккуратно расставлена по местам. Здесь же кто-то явно опаздывал, забывал вещи и сердился из-за грязных ботинок.

У крыльца стоял Роман в тёмной куртке. Не выбрит, волосы немного растрёпаны. Ему шёл такой вид: деловой человек, которому удаётся быть обычным, потому что он достаточно богат, чтобы не заботиться о впечатлении.

— Дорога нормальная? — спросил он.

— Водитель не разговаривал. Для меня это огромный плюс.

Роман улыбнулся и взял чемодан.

— Алиса дома?

— Да. Ждёт.

— Вы говорили, что она не знает о договоре.

— Не знает.

— И что вы ей сказали?

— Что мама приедет в понедельник.

Марина остановилась на нижней ступеньке.

— Роман, если вы понимаете, что через две недели она может сильно переживать...

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Он оглянулся через плечо. Несколько секунд смотрел на неё так, словно собирался ответить правду, очень долгую и неудобную. Но только сказал:

— Давайте хотя бы начнём.

Внутри пахло яблоками, полиролью и чем-то сладким из духовки. Большой холл с деревянной лестницей был светлым. Возле зеркала стояли два маленьких резиновых сапожка, а рядом — один взрослый ботинок. На консоли лежали детские рисунки, билет на концерт и раскрытая книга.

Марина успела заметить на лестнице тёмно-красную тонкую ленту, завязанную вокруг стойки перил. Лента была старая, потерявшая цвет.

Отчего-то она почувствовала короткое головокружение.

— Вам плохо? — спросил Роман.

— Нет. Просто не выпалась.

Она посмотрела на ленту ещё раз. Ночью ей действитель-

но снилась лестница, но ведь лестниц в мире тысячи. С красными лентами, вероятно, сотни. Марина не любила совпадения только потому, что после аварии люди вокруг слишком часто называли совпадением то, что ей хотелось считать воспоминанием.

Сверху послышались быстрые шаги.

— Па-а-ап!

На площадке появилась девочка в полосатых колготках и слишком большом зелёном свитере. Она держала плюшевого зайца за длинное ухо. Несколько секунд Алиса смотрела вниз — изучала Марину с той серьёзностью, на какую способны только дети, ещё не научившиеся скрывать интерес.

Потом побежала по лестнице.

— Мама!

Роман шагнул вперёд, будто собирался её поймать, но Алиса ловко обогнула его и врезалась Марине в колени.

— Мама, ты приехала!

Объятие оказалось сильным. Марина растерялась не потому, что никогда не обнимала детей. В театре они постоянно бросались к актёрам после спектаклей. Но там дети обнимали персонажей. Здесь девочка обняла именно её — без сомнений, без просьбы представиться, без секунды осторожности.

Марина опустила на корточки.

— Привет, Алиса.

— Ты меня знаешь?

Она успела увидеть, как напрягся Роман.

— Конечно, — сказала Марина. — Папа показывал мне фотографию.

Алиса задумалась.

— Мне тоже.

— Что тебе показывали?

— Тебя. Много раз. А у тебя глаза такие же.

Девочка коснулась пальцем её щеки, затем собственной.

— И вот тут ямочка, — сообщила она совершенно деловито.

Марина рассмеялась. Напряжение стало меньше. Конечно: фотографии, рассказы, ожидание. Алиса не узнала её чудесным образом. Она просто ждала женщину с определённым лицом.

Но когда девочка спросила: «А ты теперь насовсем?» — смешного в происходящем снова стало мало.

— Я побуду с вами, — осторожно ответила Марина.

— Долго?

— Несколько дней.

— Четырнадцать! — радостно поправила Алиса.

Марина подняла глаза на Романа.

Он отвёл взгляд.

— Я умею считать до ста, — добавила девочка. — Хочешь, покажу?

— Обязательно. Только сначала дай мне снять пальто.

Алиса тут же начала помогать: стащила с Марины шарф,

уронила его, наступила на край и сердито посмотрела на шарф, словно тот специально испортил их встречу.

На пороге гостиной появилась женщина лет шестидесяти. Стройная, с коротко подстриженными седыми волосами и неподвижно прямой спиной. На ней был простой светлый кардиган. Женщина не улыбалась.

— Мама, это Марина, — сказал Роман.

На секунду лицо женщины изменилось: губы дрогнули, глаза стали влажными. Затем она овладела собой.

— Вера Павловна, — представилась она. — Добро пожаловать.

— Спасибо, — сказала Марина.

Пожилая женщина взяла её руку обеими ладонями. Марина ощутила, как сильно та дрожит.

— Вы совсем не изменились, — произнесла Вера Павловна.

Роман быстро поднял голову.

— Мама.

— Я имела в виду... — женщина убрала руки. — По сравнению с теми видео, которые Роман мне показывал.

У Марины похолодели пальцы. Ещё одна оговорка, которая могла ничего не значить.

— Надеюсь, на этих видео я была прилично одета.

Вера Павловна не засмеялась. Только кивнула так, словно Марина задала серьёзный вопрос.

Комнату Марине отвели на втором этаже, через коридор

от спальни Романа. Большие окна выходили в сад, почти голые ветви касались стёкол при порывах ветра. На кровати лежал мягкий плед цвета мокрого песка, на столе стояли свежие цветы. Не розы, которых можно было ожидать, а белые хризантемы.

— Если что-то понадобится, скажите, — произнёс Роман, поставив чемодан у шкафа.

— Вы здесь всегда принимаете людей с цветами?

— Не всегда.

— Это специальный жест для человека, который будет изображать вашу жену?

Он неожиданно смутился.

— Они вам не нравятся?

— Наоборот. Просто я их люблю.

— Хорошо.

Марина подошла к окну.

— Знаете, чего я не понимаю? Вы хотите, чтобы ребёнок поверил, что мама вернулась. Но все взрослые ведут себя так, словно это действительно произошло.

Роман промолчал.

— Ваша мать чуть не расплакалась при встрече со мной.

— Она очень эмоциональный человек.

— Я бы не сказала.

— Вы ещё не знаете её.

— А вы меня.

Он смотрел на Марину слишком долго.

— Да, — наконец согласился он. — Вы правы.

Дверь приоткрылась. В щель просунулся плюшевый заяц, а за ним — Алиса.

— Я не мешаю?

— Мешаешь, — сказал Роман. — Очень.

— Папа шутит, — сообщила девочка Марине. — Он всегда так делает.

— Тогда заходи.

Алиса вбежала и схватила её за руку.

— Пойдём, покажу свою комнату.

Роман открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал.

Детская находилась дальше по коридору. На полу стоял недостроенный город из деревянных кубиков. По стене тянулась нарисованная гуашью радуга, от которой, кажется, никто не собирался избавляться. В углу сидел плюшевый заяц с перевязанной лапой. У него было одно ухо длиннее другого.

— Это Борис, — объяснила Алиса. — Он сломал лапу, но не по-настоящему. Я врач.

— Хорошо, что не по-настоящему.

— А это моё место для секретов.

Девочка показала подоконник, заставленный маленькими коробочками. Одна из них была пустой.

— Почему здесь ничего нет?

— Это тебе.

— Мне?

— У тебя тоже должны быть секреты.

Марина ощутила неприятную нежность, которую не могла объяснить. Разумом она понимала, что девочка к ней привязалась не как к человеку, а к образу матери. Но от этого желание защитить её от предстоящего разочарования становилось сильнее.

Алиса достала тонкую книжку со стёртым рисунком на обложке.

— Прочитаешь вечером?

— Конечно.

— Только с голосами. Там лиса должна говорить вредно.

— А заяц?

— Он всегда обижается. Как папа, когда я не ем суп.

Марина уже собиралась открыть книжку, но Алиса сказала:

— Папа говорит, что ты очень хорошо читаешь. Он иногда включает мне твой голос.

— Какой мой голос?

— Там сказки. На телефоне.

Марина вспомнила, что полтора года назад записывала аудиосказки для небольшого образовательного проекта. Запись почти никто не слушал; она даже забыла о ней.

Роман, значит, не ограничился её театральными работами. Он собирал всё, что мог найти.

За обедом разговоры не клеились. Вера Павловна спрашивала, не холодно ли Марине, не пересолены ли овощи, не сто-

ит ли принести другой прибор. Помощница по дому, женщина по имени Галина, сначала обратилась к Марине на «ты», потом покраснела и поправилась. Роман переставил к ней тарелку с хлебом, хотя она не просила.

Единственная Алиса была совершенно непринуждённа. Она рассказывала о собаке соседей, о девочке из детского сада, которая съела пластилиновую конфету, и о том, что собирается стать ветеринаром, а если не получится — продавцом мороженого.

— А кем ты работаешь, мама? — вдруг спросила она.

Марина переглянулась с Романом.

— В театре.

— А ты правда можешь быть кем угодно?

— На сцене — почти.

— Тогда завтра будь драконом.

— Попробую.

Алиса удовлетворённо кивнула и вернулась к котлете.

После обеда Марина попросила водителя показать, где заканчивается территория. Он без вопросов объяснил дорогу до ворот и остановки автобуса. Таксист мог приехать к крыльцу. Сигнал мобильной связи был хороший. В доме никто не запирает двери.

Ей хотелось найти хотя бы один очевидный признак опасности, чтобы спокойно собрать вещи и уехать. Но все настоящие признаки нормальной жизни были на месте.

Вечером Алиса отказалась засыпать, пока Марина не до-

читала ей сказку. На третьей странице девочка поправила её:
— Не так. Лиса должна говорить медленно. Вот так: «Ну, за-а-айчик...»

Марина попробовала. Алиса рассмеялась, затем попросила повторить.

Роман стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он смотрел на них с таким выражением, что Марина отвела глаза. Не потому, что взгляд был неприятен. Наоборот. Слишком личным он был для человека, которого она знала несколько дней.

Когда Алиса уснула, они вышли в коридор.

— Она замечательная, — сказала Марина.

— Да.

— И вы делаете ей больно.

Роман не стал спорить.

— Я знаю.

— Тогда зачем всё это?

Он стоял у закрытой двери дочери.

— Потому что однажды она спросила меня, почему мама не хочет её знать. И я не смог ответить.

Марина открыла рот, но слова не нашлись.

Роман посмотрел ей в лицо.

— Простите. Вам не обязательно это слушать.

Позже, возвращаясь к себе, Марина прошла мимо лестницы. Красная ленточка всё ещё висела на стойке перил.

Она подняла руку и коснулась её.

Лента оказалась не шёлковой, а хлопковой, с маленьким узелком на обороте.

Сон всплыл в памяти с пугающей отчётливостью: та же лестница, такая же ленточка. И плач, доносящийся будто из воды.

— Лучше не трогать, — раздался за спиной женский голос.

Марина обернулась. Галина стояла с корзиной чистого белья.

— Почему?

Помощница посмотрела на ленточку и не сразу ответила.

— Она там давно. Девочка расстроится, если убрать.

— Алиса её повесила?

— Нет, — сказала Галина.

Она тяжело переступила с ноги на ногу, словно пожалела, что вообще заговорила.

— А кто?

— Простите, Марина Андреевна. Я не знаю.

Галина быстро прошла мимо.

Марина осталась одна в коридоре. Внизу тикали большие часы, где-то за стеной щёлкало отопление.

Всё происходящее имело объяснение. У каждого взгляда, каждой оговорки, каждой старой ленты могло оказаться совершенно невинное происхождение.

Но ей всё больше казалось, что люди в этом доме разговаривают не с ней.

С кем-то другим, кого она напоминает.

Марина положила телефон на столик у кровати и включила фронтальную камеру. На экране появилась женщина с усталым лицом и отпечатком подушки на щеке. Она попыталась улыбнуться, потом перестала. Сколько раз за сегодняшний день она улыбалась, не потому что хотела, а потому что от неё ждали определённого выражения? В театре для этого хотя бы существовали репетиции. Здесь режиссёр упорно уверял, что никакой режиссуры нет.

Марина открыла приложение для записи звука.

— Первый день, — сказала она негромко. — Дом большой, дверь в комнате закрывается, телефон работает. Девочка уверена, что я её мать. Роман утверждает, что хочет ей помочь. Ещё есть бабушка, которая при виде меня пугается больше, чем я при виде неё. И домработница, которая поправляет себя, когда обращается ко мне на «ты».

Она помолчала.

— Красная лента на лестнице. Я видела её во сне до поездки. Или видела похожую. Здесь важно не перепутать.

Ей не нравилось, как звучит её собственный голос: слишком рассудительный, почти официально-допросный. Так обычно разговаривал в любительских спектаклях актёр, которому доверили роль следователя. Марина остановила запись, назвала файл «Первый день» и отправила копию Полине. Подруга ответила почти мгновенно: «Получила. И не забывай, что можно уйти».

Марина написала: «Помню».

Телефон завибрировал снова. На этот раз сообщение было от матери.

«Ты уже в комнате?»

Марина посмотрела на время — двадцать три сорок семь. Мать обычно не писала так поздно. Вопрос, вероятно, был простым беспокойством, но после вечерних оговорок хотелось искать смысл даже в нём.

«Да. Почему?»

«Просто хотела убедиться, что ты отдыхаешь».

Марина набрала: «Ты знаешь, как устроен этот дом?» — и удалила. Потом написала: «Мам, ты раньше здесь бывала?»

Мать читала сообщение долго. Две галочки оставались серыми, потом окрасились, затем исчезло слово «в сети».

«Нет».

Марина перечитала ответ. Три буквы и точка. Слишком определённое слово для человека, который ещё днём просил отказаться, не задав ни одного вопроса о заказчике.

За дверью раздались лёгкие шаги, затем скрип половиц. Марина прислушалась: шаги остановились совсем рядом. Она не боялась, что кто-то войдёт, — дверь заперта. Её больше пугала собственная готовность воспринимать каждое движение как намеренную угрозу.

Кто-то тихо постучал.

— Марина Андреевна? — спросила Галина.

— Да?

— Простите, что поздно. Я принесла воду. Роман Сергеевич сказал, вы не пьёте из-под крана.

Марина посмотрела на бутылку на тумбочке. Она действительно не любила воду с сильным запахом хлора. В агентской анкете такой графы не было.

— Оставьте у двери, пожалуйста.

— Конечно.

Слышно было, как пластик осторожно поставили на пол. Потом шаги удалились.

Она дождалась, пока коридор затихнет, открыла дверь и внесла воду внутрь. На этикетке была марка, которую Марина покупала себе в театр. По дороге в дом она её не упоминала. В московских магазинах продавали сотню марок; совпадение не казалось невозможным. Неприятным было другое: теперь она не могла определить, какая часть заботы возникала сама, а какая была подготовлена заранее.

* * *

На второй день Марина проснулась от короткого стука в дверь.

— Мама, ты спишь?

Она приподнялась на локте. За окном было ещё темно; электронные часы на тумбочке показывали семь семнадцать.

— Уже нет.

Алиса просунула голову в щель.

— Можно я с тобой полежу? Только чуть-чуть.

— Можно. Но если ты будешь пинаться, я пожалуйюсь па-

пе.

— Я не пинаюсь. Это Борис.

Девочка залезла под одеяло вместе с зайцем Борисом, пахнущим детским шампунем. Несколько минут они молчали. Потом Алиса спросила:

— А ты скучала?

В обычной жизни Марина бы спросила: «По кому?» Но здесь вопрос был очевиден, и от этого отвечать оказалось труднее.

— Я рада, что познакомилась с тобой.

— Это не то.

— А что ты хочешь услышать?

Алиса уткнулась лицом в подушку.

— Что очень-очень.

Марина погладила её по спине. Никакой репликой нельзя было исправить то, что взрослые устроили этой девочке. Снова появилось желание немедленно найти Романа и заставить его придумать честный выход из собственной затеи.

Но Алиса уже заснула.

Марина лежала неподвижно, прислушиваясь к чужому дыханию. Она редко думала о детях. В её новой жизни дети были чем-то далёким и необязательным, вроде загородного дома или большого путешествия. Не потому, что она их не любила. Скорее потому, что никогда не могла представить себя матерью.

Сначала нужно было наладить жизнь. Накопить денег. По-

лучить нормальную роль. Перестать снимать чужие квартиры. Всё время существовало какое-нибудь «сначала».

Когда Алиса проснулась, они спустились завтракать вдвоём. Романа за столом не было. Вера Павловна сидела у окна и чистила яблоко длинной спиралью. Она подняла глаза на девочку, потом на Марину и опустила нож.

— Вы хорошо спали?

— Вполне, — ответила Марина. — Если не считать утреннего вторжения.

— Это она любит.

Вера Павловна произнесла слова тихо, с нежностью, и на мгновение её лицо стало совсем другим. Марина вдруг подумала, что пожилая женщина гораздо больше похожа на человека, пережившего потерю, чем на участницу розыгрыша.

После завтрака Алиса отправилась в сад с Галиной. Марина решила осмотреть дом. Она заранее договорилась, что может свободно пользоваться гостиной, библиотекой и кухней, но не будет заходить в личные комнаты без разрешения. Библиотека располагалась в дальней части первого этажа. Большой камин, тяжёлые стеллажи, письменный стол под зелёной лампой. В этой комнате, в отличие от остальных, всё было устроено так, будто её обитатели не спешили жить.

На нижней полке стояли семейные альбомы. На обложке одного белыми буквами было напечатано: «ЛЕТО». На другом — «НАШ ДОМ». Третий был без надписи.

Марина потянулась к нему, но остановилась. Любопыт-

ство казалось естественным, и всё же она не хотела становиться человеком, который роется в чужой жизни. Если Роман захочет рассказать об Алисе, он расскажет сам.

Она отошла к окну.

На дворе Алиса стояла перед Галиной, широко раскинув руки, и что-то доказывала. Галина покачала головой. Девочка вскинула подбородок — совершенно как Марина, когда спорила с режиссёром. От этого сходства захотелось улыбнуться, а потом почему-то стало неуютно.

На столе лежал вчерашний рисунок: три человечка под большой жёлтой крышей. Над первым было написано неровными буквами «ПАПА». Над вторым — «МАМА». Над третьим — «АЛИСА». Никакой четвёртой фигуры. Никакого расстояния между людьми.

Марина взяла рисунок и повернула. На обороте детским почерком было выведено: «ТЕПЕРЬ ВСЕ».

— Красивый, правда?

Она обернулась. В дверях стояла Вера Павловна.

— Алиса сегодня утром его закончила.

— Мне жаль, — сказала Марина.

— Чего?

— Что ей приходится так сильно ждать человека, который может не вернуться.

Вера Павловна подошла к окну. Долго смотрела на девочку в саду.

— Она очень терпеливая. Больше, чем мы все.

— Разве можно объяснить пятилетнему ребёнку, почему мама отсутствует?

— Можно объяснить многое, — ответила женщина. — Только не всегда хватает смелости.

Марина посмотрела на неё внимательнее.

— Вы считаете, Роман поступает правильно?

— Я считаю, что он делает то, на что способен.

— Не совсем ответ.

— Другого у меня нет.

Пожилая женщина повернулась к выходу и вдруг остановилась, глядя на альбомы.

— Их лучше не трогать.

— Почему?

— Старые фотографии. Алиса потом расстраивается.

— Она же видит фотографии матери постоянно.

Вера Павловна с трудом подобрала выражение.

— Не все.

Когда дверь за ней закрылась, Марина ещё некоторое время стояла на месте. Потом взяла альбом без надписи.

Если это было нарушением частной жизни, оно не казалось ей более серьёзным, чем просьба незнакомого мужчины представляться матерью его ребёнка.

Первые страницы ничем не удивили. Пляж, вечеринки, прогулки по лесу, какой-то семейный праздник. Роман был моложе, полнее в лице, часто смеялся. Рядом с ним появлялись Вера Павловна, мужчина с рано поседевшими висками,

несколько незнакомых женщин.

Марина уже собиралась вернуть альбом на место, когда увидела фотографию с новогоднего вечера.

На ней Роман стоял возле ёлки и обнимал женщину за плечи.

Женщина была Мариной.

Не похожей на неё. Не сестрой-близнецом. Не актрисой того же типажа.

Именно ею.

Марина узнала линию подбородка, тёмную родинку под правой бровью и привычку чуть поворачивать голову к фотографу, будто спорить даже с камерой. На женщине было тёмное платье с открытыми плечами. В руке она держала тонкий бокал. Она смеялась.

Почти счастливое лицо.

Марина села, потому что ноги внезапно стали ватными.

Фото могло быть подделкой. В конце концов, её лицо было в агентской базе, видеовизитка доступна заказчикам. Существовали программы, которые переносили лица на чужие фотографии так убедительно, что люди верили собственным глазам.

Но зачем? Зачем делать подделку, а потом оставлять её на открытой полке в библиотеке?

Она перевернула страницу.

Марина на летней террасе. Марина в машине. Марина и Роман у моря. Она держит его за воротник рубашки, сердито

что-то говорит. Он смеётся.

В какой-то момент фотографии перестали выглядеть кадрами одного праздника. Это была жизнь. Несколько лет общих поездок, домашних вечеров, случайных мгновений. Лица у людей менялись постепенно, волосы то отрастали, то становились короче. На заднем плане появлялись вещи, которые переезжали с одного места на другое.

На фотографии с пляжа у Марины был виден маленький светлый шрам на внутренней стороне запястья. Она знала его с детства: неровная полоска после ожога горячей кастрюлей. Чтобы воспроизвести её, изготовителю подделки пришлось бы отдельно изучать её кожу.

Марина провела пальцем по собственному запястью.

Последняя фотография находилась почти в конце альбома. Осень. Эта же терраса, только ещё зелёная. Роман стоял рядом с Мариной, оба смотрели в камеру. Её живот скрывал большой бежевый кардиган; руки лежали на столе. В углу была напечатана дата пятилетней давности.

Следом шла пустая страница.

И ещё одна.

Как будто люди, заполнявшие альбом, не успели продолжить.

Марина закрыла его. В ушах шумело. Была ли она здесь? Могла ли пять лет назад жить с этим человеком, а после аварии всё забыть? Такие вопросы прежде возникали, но никогда не касались чего-то осязаемого. Чужой мужчина, чужой

дом, чужой ребёнок. Целая жизнь на бумаге.

Она услышала шаги и подняла голову.

Роман стоял на пороге библиотеки.

По его лицу Марина сразу поняла, что он увидел альбом.

— Что это? — спросила она.

Он не приблизился.

— Марина...

— Не называйте меня так, будто мы знакомы. Просто скажите, что это.

— Старые фотографии.

— Мои?

Он молчал.

— Вы их сделали? Подделали? Зачем?

— Нет. Я ничего не подделывал.

— То есть это я?

— Да.

Он ответил так тихо, что она едва расслышала.

Марина открыла альбом наугад и показала фотографию с морем.

— Когда?

— Давно.

— Насколько давно?

— До аварии.

Теперь стало по-настоящему страшно.

Она не рассказывала ему об аварии. Не помнила, чтобы рассказывала. Агентство могло передать биографию, но то-

гда почему он скрывал то, что они уже встречались?

— Откуда вы знаете про аварию?

— Мне сказали, что вы знаете и о нашем прошлом, и об Алисе, — произнёс он. — Что согласились приехать как актриса, потому что так вам легче увидеться с ней, ничего не обещая заранее. Сейчас я понимаю: мне сказали неправду.

— Кто сказал?

— Ваша мать. Много лет назад она передала мне ваш отказ. Я должен был поговорить с вами сам, до всякого договора.

— Что именно я должна была знать?

— Алиса — наша дочь.

Он произнёс это без паузы, будто разом отказался от всех приготовленных объяснений. Марина посмотрела на открытый альбом. Ей предложили сыграть мать; теперь утверждали, что ребёнок её собственный. Такой ответ был слишком чудовищным, чтобы принять его на слово.

— Документы, — сказала она. — Не рассказы. Где доказательства?

— Свидетельство о рождении и медицинские выписки можно получить официально. Я покажу то, что есть у меня. Но у Алисы сейчас дневной сон; давайте выйдем из библиотеки и поговорим без неё.

— Вы бы так и молчали, если бы я не открыла альбом?

Роман подошёл на шаг и остановился, заметив, как Марина отстранилась.

— До вашего приезда я ошибался в самом главном. А здесь испугался сказать это при ребёнке. Не оправдываю себя.

— Вы пригласили меня к дочери за деньги. И теперь просите поверить, что не собирались причинять вред?

— Да.

— Тогда объясните!

В библиотеку заглянула Вера Павловна. Она быстро перевела взгляд с сына на Марину и альбом.

— Рома, — произнесла она. — Не надо сейчас.

— Мама, выйди, пожалуйста.

— Она не готова.

Марина медленно закрыла альбом.

Два человека обсуждали её так, словно она отсутствовала. Один решал, когда ей говорить правду. Другая знала, к какой правде она «не готова».

Внезапно ситуация стала удивительно простой.

— Я уезжаю. Пока не получу независимых документов, сюда не вернусь, — сказала Марина.

Она ожидала возражений. Попытки остановить, уговорить, отобрать телефон, что угодно. Но Роман только кивнул.

— Я попрошу подать машину.

— Не надо. Я сама вызову такси.

— Хорошо.

Она поднялась по лестнице, с трудом попадая пальцами по экрану телефона. Приложение показывало, что ближай-

шая машина придет через двадцать восемь минут. На карте между домом и городом лежало большое тёмное пятно леса.

Марина набрала мать.

Елена Викторовна взяла трубку после первого гудка.

— Мам, у меня к тебе вопрос. Только не перебивай.

— Что случилось?

— Я нашла фотографии с Романом. И он утверждает, что

Алиса — моя дочь. Мам, это правда?

На другом конце линии воцарилась тишина.

— Мам?

— Ты сейчас одна?

— Да.

— Он рядом?

— Нет. Я в комнате.

— Марина, собери вещи и немедленно уезжай.

Марина посмотрела на закрытую дверь.

— Ты ведь сказала мне, что никогда о нём не слышала.

— Потом поговорим.

— Ты знала его?

— Марина, пожалуйста, не спорь со мной. Просто выйди из дома.

— Значит, знала.

— Я не могу объяснить по телефону.

— Почему?

Мать ответила не сразу.

— Потому что ты не всё помнишь. А он воспользуется

этим, если останешься.

У Марины пересохло во рту.

— А что именно я забыла?

— Приезжай, дочка.

— Скажи хоть что-нибудь.

Елена Викторовна заговорила вдруг очень тихо, без обычной уверенности:

— Что бы он тебе ни рассказывал, сначала позвони мне. Обещаешь?

Марина молчала.

— Обещаешь?

— Да.

Связь прервалась.

Марина положила телефон на кровать и подошла к окну. В саду Галина катала Алису на качелях. Девочка откидывалась назад, громко смеялась. Рядом стоял Роман, держа руки в карманах.

Услышав сигнал машины за воротами, Марина быстро застегнула чемодан. Она не знала, кто прав, кому верить и почему мать так испугалась.

Но теперь хотя бы одно было ясно.

В этом доме знали её прошлое.

И никто не собирался рассказывать его целиком.

Пока такси ехало к воротам, Марина вернулась за шарфом. Он лежал на перилах внутренней лестницы, рядом с красной лентой. Она взяла его и вдруг ощутила на запястье

чужие пальцы.

Не прикосновение сейчас. В холле никого не было. Просто под кожей возникла такая ясная память о давлении, что Марина посмотрела на руку, ожидая увидеть след.

Возле большого пальца белела короткая полоска. Она знала её. После больницы на теле осталось несколько рубцов, и мать когда-то объяснила каждый одним словом: авария. Марина перестала спрашивать.

Лента чуть шевельнулась от воздуха, проникшего через открытую дверь. На секунду холл изменился: стало темнее, лампа у лестницы не горела, в руке у Марины находился телефон. Из него доносился плач.

Она моргнула.

Всё вернулось: светлая лестница, детский сапожок, брошенный возле стены, её собственный шарф. Никакого телефона в ладони. Экран нынешнего лежал в сумке и показывал, что водитель уже подъехал.

Марина не стала искать Романа. Вышла к машине и назвала водителю адрес матери.

Потом изменила его на свой.

Через минуту снова попросила ехать к матери. Мужчина посмотрел в зеркало, но не спросил ничего.

Она достала блокнот. Написала: «Лестница. Телефон. Ребёнок плачет». Долго смотрела на последнюю строку. Ей хотелось добавить: «Я здесь уже была». Но именно этого она пока не могла знать.

Марина закрыла блокнот и прижала сумку к себе.

Глава 3. Другая версия

Когда машина миновала аллею, телефон завибрировал. Пришло сообщение от Романа: «Остаток гонорара переведём, даже если вы не вернётесь. Мне жаль, что я поставил вас в такое положение. Если захотите узнать о фотографиях, я расскажу всё, что знаю».

Марина прочла дважды.

Она могла бы счесть предложение денег извинением. Но для него эта сумма, возможно, была лишь ещё одним способом сделать неприятный разговор короче.

Она ответила: «Не переводите ничего. Я не брала на себя роль в спектакле с моим прошлым».

Следом отправила фотографию страницы альбома, которую успела снять на телефон. Лица там были чуть засвечены, зато дата сохранилась. Рядом с собственной щекой Марина видела лицо Романа, который смеялся так свободно, как не смеялся ни разу за время их знакомства.

Ей вдруг пришло в голову: а что, если когда-то он в самом деле был её мужем?

Не в настоящем, юридическом смысле. Просто близким человеком. Человеком, которого она забыла.

От этой мысли стало физически тошно. Врачи предупреждали её, что после травмы память может возвращаться неравномерно, но никто не обещал, что найденное про-

шлое окажется приятным. Возможно, там были отношения, от которых она с трудом избавилась. Возможно, мать много лет пыталась защитить её от человека, который теперь нашёл способ вернуться.

И всё же зачем тогда театральный контракт? Если Роман говорит правду, как мать могла столько лет молчать о дочери? А если лжёт, зачем Алису заставили участвовать в этом?

Марина заставила себя перестать думать об этом до разговора с матерью.

Елена Викторовна жила в обычной двушке недалеко от станции метро, на пятом этаже дома со старым тесным лифтом. Когда Марина открыла дверь, мать уже стояла в прихожей. Лицо было серым, словно за время ожидания она успела заболеть.

— Слава богу, — сказала она и обняла дочь.

Марина не ответила на объятие. Не от обиды. Просто руки были заняты чемоданом и телефоном.

— Ты знаешь его, — сказала она.

— Проходи.

— Скажи сразу: ты знаешь Романа Белова?

Мать заперла дверь, проверила цепочку и лишь потом повернулась.

— Да.

— А вчера сказала, что не знаешь.

— Я не хотела, чтобы ты переживала.

Марина невольно рассмеялась.

— Прекрасно получилось.

Они сели на кухне. Тот же стол с потрескавшейся столешницей, та же банка с печеньем, те же три магнита на холодильнике: Прага, Суздаль и керамический кот, у которого давно отломилось ухо. Мать всё ещё хранила половину вещей так, будто Марина могла однажды снова поселиться здесь.

— Рассказывай, — потребовала Марина.

Елена Викторовна долго разглаживала пальцем складку на скатерти.

— Вы были знакомы до аварии.

— Я это поняла по фотографиям.

— Он был очень богат. Ты тогда жила... не совсем своей жизнью.

— Это что значит?

— Он всё решал. Куда тебе идти, с кем дружить, на что тратить время. Ты постепенно перестала заниматься тем, что любила. Я почти не узнавала собственную дочь.

Марина вспомнила спокойное лицо Романа, его привычку отвечать на прямой вопрос словами «не сейчас» и «я расскажу позже». Услышанное укладывалось слишком хорошо.

— Мы с ним встречались?

— Да.

— Жили вместе?

Мать кивнула.

— Сколько?

— Несколько лет.

— Мы были женаты?

— Нет.

— Почему ты никогда не рассказывала мне об этом?

— Ты спросила, кто он, когда вышла из больницы. Я сказала. Ты очень испугалась, потом перестала задавать вопросы. Я решила, что так будет лучше.

— Ты решила.

— Марина...

— Почему я узнала об этом от него?

Мать прижала ладонь к груди. На секунду Марина почувствовала себя маленькой девочкой, которая кричит на уставшего взрослого. Но не извинилась.

— Что случилось в аварии? — спросила она. — Он был в машине?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я разговаривала с врачами, следователем, со всеми.

— Можно посмотреть документы?

Елена Викторовна подняла глаза.

— Зачем?

— Потому что я хочу знать, что со мной произошло.

— Мы сто раз об этом говорили. У тебя была серьёзная травма. Врач советовал избегать лишнего стресса.

— Врач советовал мне пять лет ни о чём не спрашивать?

— Он предупреждал, что может стать хуже.

Марина не стала спорить с пересказом чужого совета. Вместо этого достала телефон и показала матери фотографию из альбома.

— Это настоящий снимок?

Елена Викторовна посмотрела на экран. Долго не произносила ни слова.

— Да.

— Где сделан?

— По-моему, у них дома.

— Я была счастлива?

Мать впервые посмотрела ей прямо в лицо.

— Иногда. Не всегда.

Это был ответ, которому Марина поверила. Не потому, что он всё объяснял, а потому, что мать не стала прибегать к удобному «никогда».

— Почему же он нанял меня изображать жену?

— Потому что привык добиваться своего.

— А Алиса? Он говорит, что она моя дочь. Ты можешь ответить прямо?

— Он может говорить всё, что угодно. Ты видела свидетельство о рождении? Я хочу, чтобы ты сначала получила независимые бумаги.

— То есть ты не отрицаешь?

Мать крепко стиснула край скатерти.

— Он рассказывал об Алисе столько лет. Ты не знаешь, какие у него намерения.

— Я спрашиваю не о намерениях. Ты знала, что она существует?

— Нет.

Елена Викторовна ни разу не произнесла имя девочки, хотя Марина повторяла его несколько раз. В этом молчании было больше страха, чем в любом предупреждении о Романе.

Они поссорились ещё дважды. Мать то требовала не возвращаться в дом, то обещала разыскать медицинские бумаги, то говорила, что сейчас неподходящий момент их читать. Марина выпила две чашки чая и ушла, не дождавшись документов.

Вечером она встретилась с Полиной в кафе у театра.

— Впервые вижу, чтобы ты была такой злой, — заметила агент, когда Марина рассказала о фотографиях.

— Ты точно не знала, что я и Белов были знакомы?

— Клянусь, нет.

— Он сам выбрал меня?

— Да. То есть он смотрел подборку, но твоё имя назвал отдельно.

— В прошлый раз ты сказала иначе.

Полина побледнела.

— Мне казалось, это неважно.

— Кто ещё знает о его просьбе?

— Юрист. Ещё ассистентка в офисе. Марин, я не участвовала ни в каком розыгрыше.

— А деньги?

— Какие деньги?

— За то, что отправила меня к нему.

— Агентская комиссия, как по любому контракту. Ты хочешь увидеть счёт? Покажу.

Полина достала ноутбук прямо из сумки. Она была обижена и по-настоящему напугана. Марина узнала эту манеру: когда Полина злилась, то начинала делать всё безупречно, почти демонстративно.

— Не надо, — сказала Марина. — Извини.

— Ты хоть понимаешь, что можешь просто отказаться от договора?

— Я уехала. Пока не знаю, вернусь ли.

— Тогда всё. Забудь.

Марина не ответила. Проблема заключалась именно в этом слове. «Забудь». Слишком долго оно было главным советом в её жизни.

В тот же вторник Марина направила запросы о собственной медицинской документации и сведениях, связанных с рождением Алисы. Ей объяснили, как подтвердить личность и где получить ответы. Копия, принесённая Романом, не заменяла самостоятельной проверки. Часть записей относилась к разным учреждениям; Марина записала номера обращений и сроки, а не стала ждать одного письма, которое должно было объяснить всё.

В полдень на телефон пришло аудиосообщение.

От Романа.

Марина долго не нажимала кнопку воспроизведения. Затем включила.

В записи сперва слышался шорох, затем тонкий детский голос:

— Привет, мама. Это Алиса. Папа сказал, что тебе можно не отвечать. Я просто хотела сказать, что у меня вчера выпал зуб. Не по-настоящему. Молочный. Я положила его под подушку, а утром там было сто рублей. Я не знаю, кто их принёс. Всё. Пока.

Следом раздался тихий голос Романа:

— Она попросила передать. Простите, если это лишнее.

Марина прослушала сообщение ещё раз. Потом закрыла телефон.

Её бесило, что он отправил ребёнка вместо объяснений. И ещё сильнее бесило, что голос Алисы вызвал у неё настоящую тоску.

Она набрала ответ: «Не втягивайте Алису в ваши попытки убедить меня. Сначала документы». Потом удалила сообщение и ничего не отправила.

Стерла.

Написала: «Мне нужны факты. Не фотографии, не намёки. Расскажите, кем мы были друг другу».

Ответ пришёл через минуту:

«До аварии мы жили вместе, Алиса — наша дочь. Я искренне полагал, что вы знаете это. У меня есть копии доку-

ментов, но я хочу, чтобы вы запросили их и самостоятельно. Простите, что не объяснил всё до договора».

Марина смотрела на экран, пока буквы не перестали расплываться.

Он подтвердил то, чего она боялась.

Оставался единственный способ разобраться.

Перестать позволять им решать, какую правду она выдержит.

* * *

В театре пахло пылью и остывшим кофе. Марина пришла на репетицию раньше остальных, чтобы поговорить с художественным руководителем до того, как его настроение испортит кто-нибудь из актёров.

Борис Аркадьевич сидел в зале, одиноко освещённый рабочей лампой. Он перечитывал текст и время от времени что-то вычёркивал карандашом. В такие минуты он бывал особенно опасен: новая идея могла стоить труппе трёх недель работы.

— А, блудная дочь, — сказал он, не поднимая головы. — Как твой благотворительный отпуск?

— Закончился раньше срока.

— Деньги вернёшь?

— Какие деньги?

Он наконец посмотрел на неё.

— Понятно. Значит, неудачно.

Марина села в соседний ряд.

— Борис Аркадьевич, можно вопрос не о спектакле?

— Только один. Потом работаем.

— Кто помог нам получить помещение три года назад?

Он нахмурился.

— В смысле?

— Мы же почти закрывались. Потом почему-то появилась возможность арендовать зал за полцены.

— Спонсоры.

— Какие?

— Зачем тебе?

— Хочу знать, кому обязана тем, что здесь играю.

Борис Аркадьевич положил карандаш.

— Ты обязана своей работой, Марина. Всё остальное — хозяйственная часть.

— Я не об этом.

Он помолчал.

— Был фонд, который занимался культурными проектами. Нормальный договор, никаких условий по репертуару. Нам дали деньги на год, потом продлили поддержку. Не заставляй меня вспоминать название.

— «Белый берег»?

Худрук посмотрел на неё с явным удивлением.

— Да. Откуда знаешь?

Марина почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось. «Белый берег» был одним из фондов, о которых она прочла вечером, изучая связи Романа Белова. Формально он

принадлежал нескольким компаниям и не имел отношения к театру напрямую. Но в попечительском совете значился человек по фамилии Белов.

— Кто рекомендовал вам взять меня?

— Ты сама пришла на прослушивание.

— А до этого?

— До этого я о тебе не слышал.

— Совсем?

— Марина, у нас не Большой театр. Мы берём людей, которые могут играть, а не тех, у кого красивые рекомендательные письма.

Ответ был настолько сердитым, что она почти успокоилась. Но ненадолго.

— А фонд вмешивался в распределение ролей?

Борис Аркадьевич вдруг расхохотался.

— Если бы вмешивался, ты бы играла гораздо чаще. Или гораздо реже. Они даже на отчётные показы не приходили. Теперь на сцену, пожалуйста. У тебя там монолог, который ты уже неделю превращаешь в доклад бухгалтерии.

Репетиция прошла плохо. Марина забывала слова, неправильно выходила на свет, дважды пропустила реплики партнёра. Борис Аркадьевич остановил работу и велел всем сделать перерыв.

— Где ты мыслими? — спросил он без обычного раздражения.

— Не здесь.

— Я заметил. Случилось что-то?

Она почти рассказала. Уже открыла рот — и осеклась. Если фонд Романа поддерживал театр, то мог ли он влиять и на худрука? Человек, который только что убедительно говорил о её таланте, мог получать деньги за то, чтобы говорить именно это.

Ей стало стыдно за подозрение.

А затем страшно оттого, что оно показалось совершенно логичным.

После репетиции Марина заехала в клинику, где проходила восстановление. Хотелось хотя бы убедиться, что запрос существует за пределами экрана телефона.

В холле всё изменилось. На месте старого киоска с газетами теперь продавали кофе, турникеты заменили новыми, а в окнах поставили другие рамы. Ничего здесь не пробуждало воспоминаний. Напротив, место было совершенно чужим.

Сотрудница регистратуры нашла её запрос и объяснила, что копии документов подготовят в установленный срок. Личные сведения не обсуждают без проверки и оформления. Марина поблагодарила. Ей даже стало легче: хотя бы здесь никакой богатый мужчина не мог устроить мгновенное исполнение желания.

— Вы проходили у нас реабилитацию? — спросила сотрудница.

— Да. Пять лет назад.

— Тогда у вас могли сохраниться контакты лечащего вра-

ча. Если хотите, я запишу вас на консультацию к специалисту, который работает сейчас.

— Спасибо. Пока не нужно.

На улице она открыла карты и долго выбирала, куда идти. Домой? К матери? К Полине? В библиотеку? Ни одно место не казалось свободным от истории, которую ей пока не рассказывали.

Она зашла в маленькую кофейню и достала блокнот. На первой странице написала: «ЧТО Я ЗНАЮ ТОЧНО».

Под заголовком появились четыре строчки.

«Меня зовут Марина Миронова».

«Пять лет назад была авария».

«После аварии я научилась жить самостоятельно».

«В доме Романа есть настоящие фотографии со мной».

Последнюю фразу она подчеркнула, потом зачеркнула слово «настоящие». Она не могла доказать подлинность снимков, но Роман признал, что они не были подделаны. А мать подтвердила, что они жили вместе. Получалось, у неё уже два независимых свидетеля. Не совсем независимых, поправила она себя. Эти двое знали друг друга и скрыли это от неё.

На соседней странице она написала: «ВО ЧТО МЕНЯ ПРОСЯТ ВЕРИТЬ».

Мать утверждала, что Роман был опасно властным мужчиной. Роман утверждал, что они были близки и Алиса — их общая дочь. Полина не знала о выборе заказчика до звонка

агентству. Даже если свидетельство подтвердит слова Романа, останется вопрос, почему мать не произнесла ни слова за пять лет.

Все эти версии могли быть правдой одновременно.

И почему-то именно это пугало больше всего.

Она позвонила университетской подруге Свете, с которой почти не виделась после аварии. Номер давно лежал в телефонной книге; Марина несколько раз собиралась позвонить и каждый раз откладывала. Света ответила не сразу.

— Маринка? Ого. Ты где пропадала?

— Жила. А ты?

— Тоже. Детей вожу по секциям, мужа — по врачам, себя пока никуда. Ты чего?

Марина несколько секунд собиралась с духом.

— Ты помнишь, с кем я встречалась до аварии?

— Ну... кое-что.

— С Романом Беловым?

Света вздохнула.

— Да.

— Он был плохим человеком?

— Сложным. Очень уверенным в себе. Не уверена, что ты хочешь услышать мой ответ.

— Хочу.

— Он тебя любил. Это было видно. Но ты рядом с ним словно всё время извинялась за собственные желания.

Марина посмотрела на записанные слова. Свидетельство

совпадало с рассказом матери, но звучало иначе — менее обвинительно, более грустно.

— Ты видела нас незадолго до аварии?

— Нет. Мы тогда почти не общались.

— Почему?

— Ты отдалилась. Потом я узнала, что у тебя случилось несчастье. Твоя мама сказала, что тебя лучше не беспокоить.

— Она не говорила, почему?

— Нет. Марин, ты в порядке?

— Пока не знаю.

Когда они попрощались, Марина долго смотрела на экран. Снова мать. Всегда мать стояла у дверей её прошлого и говорила остальным, что сейчас входить нельзя.

Она достала телефон и открыла последние сообщения Романа. Потом новое сообщение от Алисы. Затем фотографию из альбома.

На ней она смеялась, прижавшись к человеку, которого сейчас считала почти опасным. Слишком счастливой выглядела женщина на снимке, чтобы назвать её мученицей. Но Марина знала по театру, как легко фотография может убедить в том, чего не существовало: одна секунда улыбки уничтожает часы ссор, скуки и усталости.

Она написала Роману:

«Я вернусь не для продолжения роли. Мне нужно понять, что произошло пять лет назад. Если вы действительно готовы рассказать правду, отвечайте на мои вопросы без намё-

ков. И я сама решу, сколько останусь».

Через три минуты пришёл ответ:

«Согласен. Вы можете приехать в любое время. И, Марина, я прошу вас об одном: не думайте, что вы обязаны мне чем-либо за прошлое».

Она перечитала последнюю фразу.

Он снова говорил так, словно видел её будущую реакцию раньше, чем она сама её испытала.

Под вечер Марина собрала небольшую сумку. На этот раз не стала пользоваться машиной Романа. Заказала обычное такси и отправила Полине адрес и предполагаемое время возвращения. Договорилась созваниваться каждый вечер. Никаких секретов.

Перед выходом она ещё раз посмотрела на свою квартиру. На узкую кухню, сложенный на диване плед, стопку сценариев, вазу с засохшей веткой эвкалипта. Всё здесь она выбирала сама. По крайней мере, так ей казалось до вчерашнего дня.

На улице начинался мелкий дождь.

Когда машина свернула к липовой аллее, Марина увидела свет в окне детской. За шторой промелькнула маленькая фигура.

Такси остановилось у крыльца. Дверь открылась почти сразу. Роман стоял без куртки, в той самой тёмно-синей рубашке, что была на одной из старых фотографий.

Марина отметила это совпадение, хотя понимала, на-

сколько нелепо считать уликой предмет одежды.

— Я вернулась, потому что хочу разобраться, — сказала Марина. — Но если вы будете отвечать за меня людям, я уеду.

— Понимаю.

— И мне нужен доступ ко всем фотографиям и бумагам, которые касаются меня.

Он помедлил.

— Да.

— Почему вы задумались?

— Потому что часть документов не у меня. Но то, что есть, я покажу.

Роман достал из внутреннего кармана сложенный лист и протянул ей. Это была копия свидетельства о рождении. В графе «Мать» стояли её фамилия, имя и отчество. Марина прочла их дважды, затем сфотографировала лист.

— Почему не дали это сразу? — спросила она.

— Потому что был уверен: вы знаете содержание. Потом увидел, как ошибся, и струсил. Это не оправдание. Вы можете проверить актовую запись без моего участия.

— Так и сделаю. А пока не пытайтесь заставить меня называть себя мамой только потому, что мне показали копию.

Марина прошла мимо него в холл.

Красная ленточка на перилах по-прежнему висела на своём месте. Из кухни доносились голоса. Кто-то тихо смеялся, звякала посуда. Дом жил так, словно ничего не произошло.

— А где Алиса? — спросила Марина.

— Наверху. Я сказал ей, что вы, возможно, приедете.

— Вы опять заранее ей пообещали?

— Нет. Сказал «возможно».

Они посмотрели друг на друга. Впервые Роман выглядел растерянным, неуверенным в следующем шаге.

Марина вдруг увидела не всесильного человека, который расставляет людей по местам, а уставшего мужчину, слишком долго надеявшегося на какой-то невероятный исход.

Жалость возникла неожиданно. И тут же вызвала злость на себя.

— Начнём с простого, — сказала она. — Когда мы познакомились?

Роман открыл дверь библиотеки.

— Пять лет назад вы потеряли память, — произнёс он. — Но мы познакомились гораздо раньше.

— Насколько?

Он снял с верхней полки небольшую коробку и поставил на стол.

— До того как отвечу, хочу, чтобы вы посмотрели одну вещь.

— Опять фотографии?

— Нет.

В коробке лежали старые театральные билеты. Программки. Пожелтевшие листки с пометками. Пластиковый пропуск на репетиционную базу.

Среди билетов лежал маленький ключ с синей пластмассовой головкой. Роман подвинул коробку, и ключ скользнул под край программки.

И на самом верху — сложенная вчетверо записка, написанная знакомым почерком.

Марина узнала его мгновенно.

Это был её собственный почерк.

На лицевой стороне стояли всего четыре слова:

«Рома, пожалуйста, не забудь».

— Что это? — шёпотом спросила она.

Роман не ответил.

Марина развернула лист.

Внутри было написано:

«Если я когда-нибудь перестану узнавать себя, напомни мне, что я хотела на сцену. Даже если тебе это не понравится».

Она прочитала дважды. Потом посмотрела на дату — за несколько месяцев до аварии.

И впервые за всё время испугалась не того, что кто-то выдумал ей прошлое.

Она испугалась, что прошлое действительно принадлежало ей.

Глава 4. Комната без окон

Марина держала записку двумя пальцами, за самый край. Бумага была плотная, с мелкими волокнами, заметными на просвет. На сгибе проступила почти прозрачная полоска: лист складывали много раз. Ей вдруг захотелось спросить не о написанном, а о том, сколько лет Роман разворачивал его и складывал обратно.

— Это моя записка?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Вы оставили её мне.

— И вас не смущает, что я ничего не помню?

— Меня много чего смущает, Марина.

В библиотеке тихо тикали часы. Роман отступил к окну и стоял, сложив руки на груди. Когда Марина задела локтем вазу, он поймал её раньше, чем она успела заметить движение.

Роман то обращался к ней на «вы», то сбивался на «ты» и сразу исправлялся. От этих коротких сбоев прошлое казалось ближе, чем от фотографий. Марина сама пока не могла назвать его иначе, чем чужого человека.

— Вы сказали, что познакомились со мной гораздо раньше. Насколько?

— Почти девять лет назад. На вечере у общего знакомого.

Вы спорили с человеком, который называл Чехова скучным.

— Ужасный человек.

— Я тоже так подумал.

— Кто он?

— Я.

Она не удержалась от короткой улыбки, за которую тут же рассердилась на себя.

Роман рассказал об их первом разговоре. Не слишком подробно, будто боялся, что любое лишнее слово превратится в доказательство заранее выученного сценария. Они виделись несколько раз, начали встречаться, позже переехали в этот дом. Она училась на актёрских курсах и хотела играть; он много работал и считал, что когда-нибудь они смогут позволить себе любую жизнь.

— Что значит «любую»? — спросила Марина.

— Поехать, куда захочется. Не думать о деньгах.

— То есть жить так, как вы решите?

Он опустил глаза.

— Не всегда я умел замечать разницу.

Марина положила записку на стол рядом с программками. Она хотела услышать признание, может быть, даже оправдание, но спокойное согласие раздражало больше. У Романа словно не было задачи выиграть спор. И всё же он тщательно выбирал, о чём говорить.

— Почему на фотографиях нет ничего после той осени?

— После аварии всё остановилось. Есть снимки из боль-

ницы и первых месяцев Алисы. Я покажу, если захочешь. Не хочу доставать их без предупреждения.

— Совсем?

— В первые недели я приезжал в больницу. Потом... это сложная история.

— У вас сегодня все истории сложные.

— Потому что они не помещаются в одно предложение.

— А в два? Попробуйте.

Он посмотрел на неё почти беспомощно.

— Вы не захотели возвращаться. Я решил, что обязан это уважать.

— Кто вам сказал, что я не захотела?

Роман помедлил.

— Я получил от вас письмо.

— Покажите.

— В городском сейфе, с личными документами. Привезу завтра.

— Удобно.

— Я могу привезти завтра.

Марина подвинула к нему блокнот, лежавший среди программ.

— Тогда запишите это. При мне. Чтобы завтра вы не объяснили, что я неправильно вас поняла.

Роман взял ручку. Написал: «Письмо. Завтра до 18:00». Подписался. Марина сложила лист и убрала в сумку. Он смотрел на неё, но возражать не стал.

— Не обижайтесь, — сказала она. — Я больше не верю на слово.

— На вашем месте я бы тоже не верил.

Сверху послышался топот. Алиса влетела в библиотеку, затем резко затормозила на пороге, словно вспомнила выученное правило.

— Можно?

— Конечно, — ответил Роман.

— Мне Галю не надо. Мне маму.

Она произнесла это спокойно, как ребёнок, который просит подать стакан воды. Марина посмотрела на Романа. Тот отвёл взгляд.

— Что случилось, Алиса?

— У зайца хвост отвалился. Я сама пришила, но теперь два хвоста.

В маленьком кулачке лежала игрушка с серой ниткой, торчавшей из шва. Второй хвост действительно был на месте. Марина присела.

— Это не беда. Можно оставить два. Он будет особенным.

— Зайцы с двумя хвостами не бывают.

— А кто сказал?

Алиса задумалась. Роман улыбнулся — не Марине, не собственной шутке, а той естественной улыбкой, которую, вероятно, видел его ребёнок каждый день.

— Можно я посижу с вами? — спросила девочка.

— Мы разговариваем о взрослом, — ответил отец.

— О скучном?

— Очень.

— Тогда я точно не буду мешать.

Она устроилась на ковре с зайцем. Через минуту нашла в корзине карандаши, разложила их по длине и принялась рисовать что-то, уперевшись языком в щёку. Марина не могла отвести от неё глаз. Её смущала не похожая ямочка на подбородке. Смущало то, как естественно девочка существовала рядом. Взрослые напряжённо следили за каждым словом, а она была уверена, что мир наконец вернулся на место.

Когда Алиса вышла за новыми листами, Марина спросила:

— Вы говорили ей, что я приеду навсегда?

— Нет.

— Вы всё это время показывали Алисе мои фотографии? Даже когда считали, что я не хочу её видеть?

Роман долго смотрел на дверной проём.

— Да. Я не хотел, чтобы она росла с мыслью, что её мать никогда не существовала. Но я не должен был превращать это ожидание в спектакль.

— Это не ответ.

— Я подготовлю копии и разрешение получить оригинальные сведения. Больше никаких загадок.

Марина почувствовала, как в груди поднимается знакомая горячая волна. Во время репетиций, когда партнёр вместо ответа делал загадочную паузу, она обычно просила режис-

сёра остановить сцену. Здесь остановить было некому.

— У нас есть договор, — сказала она. — И я не подписывалась на то, чтобы ребёнок верил в выдумку. Вы должны были поговорить с ней до моего приезда.

— Вы правы.

— Тогда исправьте.

— Не знаю, как сделать это без боли.

— Боль уже есть. Вы просто выбираете, кому её причинить.

Роман ничего не ответил.

За ужином Вера Павловна говорила о погоде с усердием диктора. Галина спросила, не принести ли Марине суп, а потом опустила глаза, словно вопрос оказался неуместным. За столом стоял ещё один прибор, который никто не убирал. Марина решила не спрашивать для кого: не хотела получать новый ответ «потом».

Алиса рассказывала о детском саде. Она поссорилась с Даней, потому что Даня объявил себя капитаном подводной лодки, хотя боялся нырять в бассейне. Марина засмеялась, и девочка немедленно повторила историю сначала, с интонациями и руками. Роман не перебивал. Вера Павловна покосилась на Марину, затем украдкой вытерла уголок глаза.

— У вас аллергия? — спросила Марина.

— Нет, милая. Лук резала.

Лука на столе не было.

Позже, поднимаясь к себе, Марина заметила на лестнице

ту самую красную нитку, приснившуюся ей перед приездом. Она висела на перилах, привязанная простым узлом. Когда Марина коснулась её, сзади прозвучал голос Веры Павловны:

— Не трогайте, пожалуйста.

— Почему?

— Вы когда-то привязали её, когда примеряли ткань для занавески. Алиса потом решила, что это её отметка на лестнице. Я не сняла. Привыкла, наверное.

Объяснение было безупречно простым. Марина отпустила нитку, но не успокоилась. Она видела её во сне ещё до приезда.

— Вы знали меня до аварии? — спросила она.

Вера Павловна кивнула.

— Хорошо знали?

— Достаточно, чтобы скучать.

— А моя мать приезжала к вам?

Лицо пожилой женщины изменилось. Совсем немного: уголки губ застыли, веки поднялись.

— Спросите у неё, Марина.

— Все почему-то советуют спрашивать друг у друга.

— Потому что никто не хочет отвечать за чужую правду.

Марина вошла к себе и заперла дверь, хотя понимала, что это детский жест. Села на кровать и прослушала голосовое сообщение Полины: та уточняла, всё ли хорошо и нужно ли приехать. Марина ответила, что жива, дверь закрывается изнутри, завтра она пришлёт отчёт.

Перед сном открыла фотографию записки, сделанную на телефон. Знакомый почерк. Фраза про сцену. Никакого признания в любви. Почему эта короткая просьба тронула её сильнее, чем все слова Романа?

Она увеличила нижний край снимка. На сгибе плохо читалась последняя цифра даты: бумагу много раз разворачивали, и чернила частично стёрлись от трения. Никакой второй строки она не различила, сколько ни приближала изображение.

Марина записала в блокнот: «Проверить дату на оригинале. И понять, почему лестница кажется знакомой».

Затем добавила: «И почему мне кажется, что эту лестницу я видела не во сне».

Спать Марина, однако, не легла. Она прошла в ванную, открыла кран, чтобы не было слышно шагов, и написала матери сообщение: «Почему ты сказала, что никогда здесь не бывала?» Ответа не последовало. Она повторила вопрос и посмотрела на время. Стрелки перевалили за полночь.

Потом из коридора донёсся голос.

Её собственный голос.

Марина застыла, всё ещё держа телефон. Голос был негромкий, приглушённый стенами, но сомнений не возникало: она слышала знакомую чуть хриловатую манеру произносить согласные, паузы перед последними словами фразы. В театре её иногда ругали за такие паузы: «Ты делаешь драму там, где человек просто хочет спросить дорогу».

Теперь из-за двери прозвучало:
— А если он всё-таки вернётся?

Тишина.

— Тогда мы его узнаем, — ответил тот же голос.

Марина распахнула дверь.

Коридор был пуст. Внизу, возле поворота лестницы, горела одна настенная лампа. Издалека слышалось едва различимое продолжение фразы. Голос шёл из комнаты Алисы.

Она подошла туда почти беззвучно. Дверь была приоткрыта, в щели виднелся ночник в форме облака. Алиса спала, раскинув руки. На кресле возле кровати лежал телефон, его экран тускло светился. С устройства продолжала звучать женская речь.

Марина узнала сказку, которую записывала для образовательного проекта. Не ту, что лежала в бесплатном доступе, а экспериментальную часть, которая, как ей казалось, так и не вышла: история о маленьком почтальоне, боявшемся доставлять письма.

Она стояла, не решаясь войти. На экране виднелось название файла: «Почтальон и дом. Голос М. М.». Под ним — маленькое число, обозначающее продолжительность, и значок повторного воспроизведения.

— Что вы здесь делаете? — раздалось за спиной.

Марина резко обернулась. Галина держала в руках сложенное полотенце и смотрела не сердито, а испуганно.

— Слушаю. Это мой голос.

— Алиса без него плохо засыпает. Роман Сергеевич поставил ещё вечером.

— Откуда у него эта запись?

— Не знаю. Он сам приносит сказки.

— Проект не публиковал эту часть. По крайней мере, мне так говорили.

Галина посмотрела на дверь, будто проверяла, не проснулась ли девочка.

— Вы же актриса. Может, покупал у студии.

Объяснение было вполне возможным. И всё-таки оно не отвечало на главный вопрос: почему Роман ни разу не сказал, что пять лет хранил её голос у дочерней кровати? Нет, пять лет — она уже не знала, сколько ему доступна запись. Время вдруг стало странно вязким: всё, что касалось Романа, тянулось в прошлом гораздо дальше их знакомства.

— А раньше, до моего приезда, вы тоже её включали?

— Да.

— Давно?

Галина опустила глаза.

— Когда Алиса была маленькая, мы ставили другие записи. Потом эту. Простите, я не могу сказать точно.

— Вы боялись, что я её услышу?

— Нет. Я боялась разбудить ребёнка, когда вы открыли дверь.

Она произнесла это без запинки. Марина почти рассердилась: не на Галину, а на отсутствие неправдоподобия. Все

здесь умели давать простые ответы на неправильные вопросы.

В комнате Алиса перевернулась, сонно всхлипнула. Женский голос с телефона снова повторил: «А если он всё-таки вернётся?» Марина сделала шаг к кровати и остановила воспроизведение. Девочка открыла глаза.

— Мам?

— Спи, солнышко.

— Почтальон уже нашёл письмо?

— Не знаю. Я пока даже не спросила почтальона.

— Я бы ему нарисовала карту. А то он глупый, раз столько ищет.

Алиса снова уснула почти сразу. Марина несколько секунд стояла над ней, чувствуя, как нелепо выглядит со стороны: незнакомая женщина посреди ночи пытается выяснить происхождение сказки, а ребёнку нужно всего лишь заснуть.

В собственной комнате она нашла номер студии, записавшей проект. Сообщение режиссёру она не отправила — час был поздний. Открыла старую переписку, пролистала письма с техническими замечаниями. «Третий блок не публикуем до согласования». Потом другое: «Права на запись переданы заказчику по договору». Заказчиком значился благотворительный образовательный фонд. Название показалось знакомым: в разговорах с Борисом Аркадьевичем уже мелькало похожее слово.

Марина сняла экран на телефон. У неё появилось объяс-

нение того, как Роман получил запись, и одновременно ещё одно подтверждение, что он мог стоять за частью её работы.

Оставался вопрос, от которого холодели ладони: почему, когда она слышала голос за дверью, ей не пришло в голову, что это запись? На несколько секунд она была совершенно уверена, что кто-то находится в доме и говорит её ртом. Она сама перестала отличать собственное прошлое от чужой постановки, хотя именно этого боялась больше всего.

Она набрала Полине: «Я слышала себя в коридоре. Оказалась сказка. Всё нормально». Через минуту пришло сонное: «Ничего себе нормально. Ты спишь вообще?»

«Сейчас буду».

«Хорошо. Утром запиши, что точно видела, и что только решила. Это разные вещи».

Марина положила телефон. В блокноте появилось две колонки. В левой она написала: «Голос из комнаты Алисы. Запись. Файл существует». В правой: «Показалось, что говорит живая я. Испугалась. Ничего не доказывает».

Она долго смотрела на вторую колонку, прежде чем закрыть блокнот.

Впервые за много лет её пугало не то, что она чего-то не помнит. Пугало, как быстро сознание придумывает ответ, когда не хочет оставаться в неизвестности.

* * *

Утром Роман опоздал к завтраку. Пока его ждали, Алиса дважды успела поменять местами ложки и доказать Галине,

что маленькая тарелка делает кашу меньше.

Теперь Романа не было. За столом возникла неловкая пауза, будто из сложного механизма извлекли одну деталь.

— Папа звонит, — объяснила Алиса. — Он когда волнуется, звонит долго.

— Откуда ты знаешь, что он волнуется? — спросила Марина.

— У него тогда голос тихий. Как когда я заболела.

Вера Павловна поднялась за сахарницей, хотя сахар уже стоял перед ней.

После завтрака Марина отправилась в кабинет, где Роман обещал показать письмо. Дверь была открыта. На столе лежали распечатанные материалы о благотворительном фонде, карта участка, какие-то бумаги с пометками. За окном работал садовник. В глубине шкафа горел маленький зелёный индикатор.

Марина решила, что это роутер. Подошла, увидела приоткрытую дверцу и узкую лестницу вниз. Человек, строивший этот дом, явно считал, что детям скучно без тайных ходов.

Она не собиралась спускаться. Во всяком случае, сказала себе именно это. Потом услышала негромкий сигнал, похожий на звук сообщения, и всё-таки сделала несколько шагов.

Внизу оказалась небольшая комната без окон. На стене висели шесть мониторов. На одном — въездные ворота, на другом — парковка, на третьем — холл. Ещё два показывали боковые двери. На последнем Марина узнала лестницу с

красной ниткой.

Её охватила злость. В договоре был отдельный пункт о согласии на запись с её участием. Она прямо настояла на нём. И теперь выяснялось, что камеры существуют в жилой части дома.

На столе стоял компьютер. Рядом лежала папка с названием «М. М.». Марина не тронула её сразу. Вдруг это отчёт о ремонте? Название могло означать что угодно. Но на первой странице, видной из-под обложки, было напечатано: «Мироснова Марина Андреевна».

Она раскрыла папку.

Там находился перечень её театральных работ за последние три года. Адрес съёмной квартиры. Публичные афиши. Фотографии со сцены. Ксерокопия её давнего заявления в театральную студию. В самом конце — таблица с датами и суммами, рядом названиями компаний и культурных проектов. Несколько строк были подчёркнуты синим.

Марина не стала разбираться, какая сумма кому перечислялась. Она увидела гораздо худшее: среди бумаг была фотография, сделанная на улице возле её дома. На снимке она шла с пакетом продуктов. Одежда, волосы, новая сумка — всё относилось к нынешней весне. Фотографировали её не для афиши.

— Что вы здесь делаете?

Она резко обернулась. На лестнице стоял мужчина в серой рубашке. Не Роман. Тот самый водитель, который привёз её

в первый день.

— Смотрю на систему наблюдения, — ответила Марина.

— А вы?

— Проверяю сигнал с ворот.

— У вас здесь скрытые камеры?

— На участке и в общих проходах. В комнатах нет.

— Это по закону или по желанию хозяина?

Мужчина посмотрел на папку в её руках и, кажется, пожалел, что спустился.

— Я не могу обсуждать документы Романа Сергеевича.

— Зато обсуждать меня здесь могут все, да?

— Меня зовут Игорь, — сказал водитель. — Я работаю в доме восемь лет. Если вы хотите поговорить с хозяином, он сейчас в городе.

— Игорь, вы меня знали до аварии?

Тот взглянул на монитор, затем на её лицо.

— Да.

— Почему при первой встрече соврали?

— Я не хотел создавать вам проблемы.

— Это у вас семейный девиз?

Игорь не улыбнулся.

— Я отвезу вас, куда скажете. Могу сейчас вызвать вторую машину. Только, пожалуйста, не думайте, что здесь кто-то собирался вас держать.

Марина положила папку обратно, но на телефон успела сфотографировать несколько страниц. Делала это открыто,

не отводя глаз от Игоря. Он не помешал.

— Роман узнает, что я была здесь?

— Я должен ему сообщить.

— Отлично. Передайте, что я хочу объяснений. И до этого момента никаких записей с моим участием просматривать без моего согласия он не будет.

На верхней ступеньке она задержалась.

— А кто сделал фотографию у моего дома?

Игорь опустил глаза.

— Я.

— По его приказу?

— Он попросил узнать, как вы живёте. Не вторгаться.

Только убедиться, что всё в порядке.

— И вы считаете это нормальным?

— Нет, — сказал он. — Просто я тогда считал, что помогаю.

Этот ответ оказался страшнее привычного «я исполнял обязанности». У людей в доме были собственные сомнения. Они видели, что происходит что-то неправильное, и продолжали.

Марина вышла в сад. Влажная трава блестела, листва прилипала к подошвам. Возле пруда Алиса строила плот из коры. Галина держалась поодаль и разговаривала по телефону. Увидев Марину, девочка помахала.

— Мам, смотри, он утонул!

— Какой плот?

— Первый. Второй не утонет, я ему дно сделала.

Алиса подняла кору, показала тонкие прутики. Её серьёзная работа настолько не вязалась с тайной комнатой, что Марина почувствовала себя на границе двух разных миров.

— Можно я рядом посижу?

— Да. Только надо верить, что он поплывёт.

— Это помогает?

— Нет, — призналась Алиса. — Но так веселее.

Они сидели у воды почти полчаса. Девочка рассказывала о рыбах, которых в пруду никто не видел, о том, как папа не умеет заплетать косички, и о бабушке, которая всё время боится простуды. Марина ловила себя на желании поправить Алисе воротник или взять её мокрые ладони в свои. Такие желания можно объяснить простым состраданием. Но почему тогда, когда девочка отходила, становилось пусто?

— Ты когда-нибудь видела меня раньше? — осторожно спросила Марина.

Алиса посмотрела на неё с недоумением.

— Конечно. У папы на телефоне. И на стене у меня.

— А не на фотографии?

Девочка подумала.

— Когда я была маленькая, не помню. Папа говорит, это нормально. Маленькие дети ничего не помнят.

Марина выдохнула. По крайней мере ребёнок не изображал ложные воспоминания о младенчестве. Она знала мать по снимкам. Кто-то вложил в её голову историю, и теперь эта

история стала для неё правдой.

— А тебе говорили, почему мама не приезжала?

Алиса разломилла сухую веточку.

— Она искала свой голос.

— Что?

— Папа так сказал. Что у мамы голос потерялся. Я думала, он как варёжка, можно найти. Потом папа объяснил, что это не настоящий голос, а тот, которым человек говорит, что хочет.

Марина прикрыла глаза. В груди неприятно защемило. Эта метафора была слишком точной для мужчины, который якобы считал её просто исчезнувшей бывшей женщиной.

Когда Роман вернулся, она ждала его в прихожей с телефоном в руке.

— Вы наняли человека следить за мной, — сказала она.

Он не стал изображать удивление.

— Да. Несколько раз я просил Игоря убедиться, что с вами всё в порядке. Он не должен был вмешиваться.

— Почему я об этом не знала?

— Потому что я понимал: вам это не понравится.

— То есть вы сознавали, что поступаете плохо.

— Да.

— И всё равно делали.

— Да.

Признание было таким быстрым, что она на секунду потеряла нить.

— А камеры?

— Камеры стоят давно, в проходах. Я должен был предупредить и согласовать, что снимать тебя без разрешения не будут. При тебе отключим внутренние точки. Наружные останутся: въезд и хозяйственный двор. Если захочешь, специалист объяснит устройство системы Полине или твоему юристу.

Марина не ответила сразу. Она ожидала сопротивления, обвинений, попытки перевести разговор на её тревожность. Роман же говорил так, словно заранее вынес себе приговор, но до сих пор не смог перестать совершать те же поступки.

— Откуда у вас мой адрес, если вы не видели меня пять лет?

— Я знал, где вы жили. Знал, где работали.

— И платили за это людям?

— Не тем, кто рассказывал мне о вас. Большую часть сведений можно найти открыто. Есть ещё вещи, которые я должен объяснить.

— Что за вещи?

— Фонд, который поддерживал ваш театр...

Она шагнула назад.

— Нет. Не надо продолжать. Дайте мне сначала самой проверить.

— Хорошо.

Он отступил, освобождая проход к лестнице. Но перед тем как уйти, произнёс:

— Марина, я понимаю, что вы мне не верите. Только не думайте, что ваша работа ничего не стоит из-за того, кто арендовал помещение. Я видел вас на сцене. Вы играете хорошо.

— Вы были на моих спектаклях?

— Да.

— Когда?

— На многих.

— И почему не подошли?

Он долго молчал.

— Потому что считал, что вы не хотите меня видеть.

Марина поднялась к себе. В кармане завибрировал телефон. От матери пришло сообщение: «Не оставайся там на ночь. Он умеет казаться добрым. Ты уже однажды за это заплатила».

Она показала текст Роману, который всё ещё стоял у лестницы.

— Что значит «однажды заплатила»?

Он прочитал. Лицо его стало неподвижным.

— Я не знаю, что она имеет в виду.

— Вы говорите это искренне?

— Да.

Впервые за несколько дней Марина поняла, что не способна проверить даже искренность. Каждое слово можно было произнести честно и всё равно скрыть важнейшую часть правды.

Через час её вызвали в город на репетицию. На этот раз она не стала просить Романа отвезти её. Вызвала такси сама, сообщила Полине время и адрес. Водитель оказался разговорчивым мужчиной, уверенным, что все болезни происходят от неправильного питания, а все аварии — от плохих дорог. Марина с неожиданным удовольствием слушала его полчаса. Незнакомый человек, не знавший о ней ничего, казался роскошью.

В театре готовили осеннюю премьеру. На сцене стоял фанерный стол, на котором должна была происходить половина второго действия. Борис Аркадьевич передвигал его из угла в угол, будто искал место, где фанера наконец начнёт играть лучше актёров.

— Миронова, ты сегодня со мной? — спросил он, увидев её.

— С вами. А вот стол, кажется, давно против.

Борис Аркадьевич фыркнул. Ей стало легче. На два часа можно было заниматься понятным делом: добиваться от реплики нужного ритма, не опаздывать на свет, слушать партнёра. Никаких альбомов. Никаких чужих версий прошлого.

После репетиции она попросила показать бумаги о финансировании зала. Худрук отправил её к администратору, та — к бухгалтеру, а бухгалтер выдала выписку из открытого отчёта фонда. Всё было законно. Фонд помогал четырём театральным площадкам, трём библиотекам и одному дому культуры. Имя Марины нигде не упоминалось.

— Кто попросил поддержать именно нас? — спросила она.

— Не знаю. Грантовый отбор, — ответила бухгалтер. — Приходили на показ, смотрели помещение. Нам ещё повезло, заявку подавали поздно.

Марина сфотографировала документы и зашла к Борису Аркадьевичу.

— А если бы не было денег, вы бы меня взяли?

Он перестал раскладывать листы сценария.

— Ты чего добиваешься?

— Хочу знать.

— Я бы тебя взял. А через полгода все мы бы играли в подвале у знакомого сантехника. Не путай две вещи.

— Каких?

— Кто заплатил за крышу над головой и кто сумел удержаться на сцене.

— Мне почему-то трудно теперь это разделить.

— Так раздели. Это твоя работа, а не моя.

Полина пришла первой. Заказала картофель фри, хотя обычно говорила, что после восьми не ест. У неё был усталый вид человека, которого несколько суток подряд обвиняют в преступлении, не называя статьи.

— Я принесла договор, — сказала она. — Все приложения. И переписку с юристами. Смотри сколько хочешь.

Марина листала распечатки. Полина действительно получила запрос на подборку актрис с определёнными парамет-

рами. Потом отдельно поступило имя Марины. Агент сообщила об этом не сразу, потому что боялась, что клиент передумает, если начнутся неудобные разговоры. Никакой тайной комиссии не было.

— Я соврала, — сказала Полина. — Про то, кто тебя выбрал. Это была глупость. Я видела хороший контракт и захотела его закрыть.

— Ты его когда-нибудь встречала раньше?

— Белова? Нет.

— А его фонд?

Полина внимательно прочла название.

— Фамилия мне знакома. Но откуда, не помню.

Она не попыталась немедленно придумать объяснение. Марина впервые за несколько дней допустила, что кому-то из её знакомых можно верить, даже если этот человек ведёт себя неидеально.

Без десяти шесть Марина вернулась в дом. Роман ждал в библиотеке. На столе стоял конверт.

— Письмо, которое я обещал, — сказал он.

Марина не села. Взяла конверт, рассмотрела. Почерк на лицевой стороне был знакомым. Таким же, каким она писала записку о театре.

Внутри лежал один лист.

«Рома, пожалуйста, не возвращай меня туда, где я уже потерялась. Я знаю, что ты любишь меня, но сейчас мне нужно научиться жить без тебя. Не ищи меня, не звони и не приез-

жай. Если хочешь помочь — просто оставь меня в покое».

Подпись: «Марина».

Она прочитала письмо трижды. Слова не казались ей своими. Почерк — да.

— Когда я это написала?

— Уже после лечения. Мне передали его весной.

— Кто?

— Ваша мама.

На мгновение библиотека показалась меньше, чем была.

— Она сказала, что я написала это сама?

— Да. Ещё сказала, что вы знаете всё необходимое о прошлом и не хотите обсуждать его.

Марина медленно сложила лист.

— Роман, — произнесла она, — моя мама утверждает, что вы опасный человек. Вы утверждаете, что я попросила вас уйти. Почему никто из вас не позволил мне поговорить с другим?

— Потому что я поверил письму. И потому что мне было стыдно за то, какой была наша жизнь незадолго до аварии.

— А теперь уже не стыдно?

— Стыдно. Поэтому я не хочу больше отвечать вместо вас.

Она посмотрела на лист. Внизу после подписи была едва заметная точка. Марина всегда ставила точку после своей подписи в школьных тетрадях. И никогда — в письмах. По крайней мере, за последние пять лет.

Она не знала, означает ли это хоть что-нибудь.

Но впервые возник вопрос, от которого стало холодно: а что, если кто-то подделал не фотографии, а её собственное решение?

Поздно вечером пришёл ответ из клиники. Документы ещё готовились, но дату госпитализации подтвердили: четырнадцатое ноября 2021 года. Марина посмотрела на календарь. До годовщины оставалось десять дней.

Она открыла календарь на старом телефоне, который хранила с первых месяцев после реабилитации. Перенесённые заметки начинались в мае следующего года. Ни одной записи о Романе. Ни одного детского имени. В первый день стояло: «Купить хлеб. Не бояться выходить одной».

Ниже другая заметка: «Не проверять чужие рассказы по ощущениям. Проверять по фактам».

Она не помнила, кто посоветовал ей это правило. Но оно нравилось ей всё больше.

В комнате Марина ещё раз пересмотрела фотографии из папки, которую нашла возле мониторов. Афиши, адрес, таблица переводов. И снимок у собственного подъезда: она с пакетом продуктов, поднятый воротник, неприятное выражение лица, которого не заметил бы ни один заказчик театрального портрета.

В углу стояла дата — нынешняя весна.

Она вспомнила этот день. Купила слишком много яблок, пакет порвался у остановки, и ей пришлось нести часть в кар-

манах. Роман мог получить этот снимок, но не мог купить воспоминание о том, как яблоко катилось под чужую машину.

Марина держалась за эту подробность, пока звон в ушах не стал тише.

Она открыла письмо на телефоне. Сфотографированный лист выглядел убедительнее, чем собственный отказ от него. Человек мог забыть, что написал. Она уже забывала целые годы. Но если признать этот довод достаточным, никакое чужое решение нельзя будет оспорить: ей всегда ответят, что раньше она сама согласилась.

Марина взяла ручку и на чистой странице написала: «Сегодня я хочу знать, что произошло». Поставила дату. Сфотографировала и отправила себе на почту, затем Полине.

Подруга ответила одним словом: «Получила».

Марина выключила свет.

Перед самым сном она увидела дверь с круглым стеклом. За ней стоял человек. Лица не было видно: свет падал со спины, превращая голову в тёмное пятно. Человек произнёс: «Открой». Она знала голос. Ещё мгновение — и смогла бы назвать.

Потом провалилась в сон, не успев.

Глава 5. Дверь открывается внутрь

Она проснулась от трёх ударов.

Первый был негромким. Второй и третий — сильнее, с коротким промежутком. Кто-то стучал не костяшками пальцев, а ладонью, и дерево отвечало низким, пустым звуком.

— Открой.

Марина села в кровати. Одеяло сползло, холодный воздух коснулся коленей. За окном ещё не рассвело.

— Я знаю, что ты там.

Она потянулась к телефону и не нашла его. Пальцы скользнули по тумбочке, задела стакан. Тот покачнулся, но не упал.

Дверь находилась не там.

Марина смотрела на неё и несколько секунд не могла понять, почему это так страшно. В её комнате дверь стояла слева от шкафа, напротив кровати. Сейчас стояла именно там. А она ждала увидеть её справа, возле узкого, почти до пола, зеркала.

Телефон обнаружился на зарядке. Пять часов сорок две минуты.

Больше никто не стучал.

Она включила свет. На ковре лежал вчерашний свитер, на спинке кресла сохли колготки. В коридоре тихо. Марина надела халат, подошла к двери и прислонила к ней ладонь.

Дерево было прохладным. Ручка не двигалась.

Сон, решила она.

Тогда откуда взялось зеркало?

В своей квартире она могла месяцами не вспоминать сновидений. Здесь они оставляли после себя предметы, которых не было перед глазами: красную нитку, дверную ручку, тёмную полосу под чужим рукавом. Вчера у мониторов она испугалась существующей системы наблюдения. Сегодня страх пришёл раньше любого объяснения.

Марина открыла дверь. Возле лестницы горела дежурная лампа. На первом этаже кто-то передвинул стул, зашумела вода. Обычное утро в доме, где люди встают раньше гостей.

Она спустилась.

Роман стоял у кухонного окна с чашкой. На нём была белая рубашка, рукава закатаны до локтей. Увидев Марину, он выпрямился.

Она посмотрела на его манжеты.

— Вы ко мне поднимались?

— Сейчас? Нет.

— Кто-нибудь стучал в мою комнату?

Он поставил чашку.

— Я ничего не слышал. Что случилось?

— Проснулась.

Роман взглянул на часы над плитой, но времени вслух не назвал.

— Кофе будешь?

Он снова обратился к ней на «ты» так буднично, что это показалось оговоркой. Марина покачала головой.

— Здесь есть комната с узким зеркалом возле двери?

Роман не переспросил. Именно это она заметила прежде всего.

— В старом крыле. Небольшая гостиная. Раньше ты там занималась.

— Чем?

— Читала. Репетировала. Мы поставили зеркало, чтобы можно было видеть себя в полный рост.

— Покажите.

Он пошёл впереди. Марина держалась в двух шагах. На повороте Роман включил свет, и узкий коридор, которого она прежде не замечала за большой дверью библиотеки, оказался совсем коротким. В конце стояла дверь с круглым матовым стеклом.

Та самая, которую она видела на старой фотографии.

Роман остановился сбоку, пропуская её. Ручка повернулась без сопротивления.

Марина вошла и сразу узнала зеркало.

Не всю комнату. Она не почувствовала ни прилива нежности, ни уверенности, что вернулась на своё место. Просто зеркало стояло справа от двери — там, где должно было стоять. В нижнем углу серебрение потемнело неровным полумесяцем.

В комнате было холоднее, чем в коридоре. Две батареи

под окнами едва грели. На столе лежал свёрнутый коврик для упражнений, в углу стояла коробка с ёлочными игрушками. Возле стены — старое кресло с вытертым подлокотником.

— Здесь давно никто не живёт, — сказал Роман. — Иногда Алиса играет. Я попросил Галину убрать коробки, но она ещё не успела.

Марина смотрела на дверь.

— Она запирается?

Роман перевёл взгляд на ручку.

— Да. Защёлка с внутренней стороны.

На латунной пластинке была маленькая поворотная вертушка. Такая же встречалась в старых гостиницах. Марина дотронулась до неё, и под пальцами возникла болезненная ясность: надо повернуть вправо, до упора. Потом ещё немного, потому что механизм заедает.

Она убрала руку.

— Можно вы выйдете?

— Конечно.

Роман вышел сразу.

Марина закрыла дверь. Повернула защёлку. Она действительно остановилась раньше времени. Марина надавила сильнее, услышала второй короткий щелчок.

По ту сторону не было движения.

Она отступила к зеркалу. На тёмном стекле круглого окошка отражалась полоска потолочной лампы. Зеркало от-

давало ей лицо, слишком белое при этом освещении.

И вдруг исчезла коробка с игрушками.

На её месте стояла сумка. Открытая, со свисающим ремнём. На полу лежало светлое полотенце. У Марины в руке был телефон, но пальцы были скользкими и плохо слушались. За дверью кто-то произнёс её имя.

— Я не могу так разговаривать, — сказала она.

Слова прозвучали внутри головы, без звука, но она знала, что произнесла их вслух тогда.

Телефон завибрировал сейчас.

Сумка исчезла. Снова появились коробка и коврик.

Звонила мать.

Марина ответила, не отрывая взгляда от двери.

— Ты уже встала? — спросила Елена Викторовна.

— Да.

— Не спала опять?

— Почему ты так решила?

— У тебя голос.

Марина перевела телефон в другую руку. На ладони не было ничего — ни крови, ни воды. Только неглубокий след от края чехла.

— Мам, в этом доме есть маленькая комната возле библиотеки. С круглым стеклом в двери. Ты помнишь её?

Мать ответила не сразу.

— Где ты сейчас?

— В этой комнате.

— Одна?

— Да.

— Он рядом?

Марина посмотрела на матовое окошко. За ним по-прежнему никого не было видно.

— В коридоре.

— Не открывай ему.

Слова легли на услышанный ночью стук с такой точностью, что Марина перестала чувствовать холод.

— Почему?

— Потому что сейчас ты начнёшь слушать его, а он знает, что сказать.

— Он может войти в эту комнату снаружи?

— Я не знаю, Марина. Послушай меня: выйди через другую дверь, если там есть выход.

Другой двери не было.

Марина повернулась к окнам. Низкие подоконники, старые деревянные рамы. За стеклом темнели кусты. Первый этаж. Выйти можно, разбив стекло или открыв створку. Она приблизилась и положила пальцы на металлическую ручку.

— Ты знала, что я здесь запиралась?

— Дочка, просто приезжай домой.

— Ответь.

— Я не могу вспоминать за тебя.

Эту фразу мать произнесла тихо. В ней было что-то почти жалобное.

Марина закрыла глаза.

Снова сумка. Полотенце. Резкий свет от телефона. По белой ткани ползёт тёмное пятно. Чья-то рука удерживает её запястье.

Она открыла глаза, потому что испугалась следующего изображения.

— Я перезвоню.

— Марина!

Она отключилась.

За дверью послышался голос Романа:

— Всё нормально?

Марина не ответила.

— Я отойду на кухню, — сказал он. — Если понадобится, позови. Защёлка иногда тугая. Нужно чуть приподнять ручку.

Шаги удалились.

Она ждала, пока затихнут окончательно. Потом подошла к двери, положила ладонь на латунную пластинку и прислушалась к собственному дыханию.

Вертушка повернулась влево. Сначала туго, потом свободно. Марина приподняла ручку, как он сказал. Дверь открылась внутрь.

Она несколько раз посмотрела на механизм. Снаружи не было ни скважины, ни ответной вертушки. Это не доказывало, что дверь нельзя открыть каким-нибудь способом. Но человек внутри мог запереть её сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.